

18+

ЕКАТЕРИНА РИЗ

ТРУДНО БЫТЬ
РУСАЛКОЙ

Екатерина Риз

Трудно быть русалкой

«Издательские решения»

Риз Е.

Трудно быть русалкой / Е. Риз — «Издательские решения»,

Странное имя, данное тебе при рождении, не означает, что твоя жизнь станет его воплощением. Если мама назвала тебя Ундиной, это не делает тебя принцессой или русалочкой. Не означает, что тебе выдадут собственного принца, который превратит твою жизнь в сказку. Дина никогда не считала себя особенной. Жизнь сложилась так, как сложилась. Замужество, достаток, огромный дом. А потом всё привычное рушится, и ты бежишь прочь. В неизвестность. И вдруг понимаешь, что там тебя и ждали. Там — ты дома.

© Риз Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	29
ГЛАВА 4	42
ГЛАВА 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Трудно быть русалкой

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2026

ISBN 978-5-0071-3951-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я очень люблю свой дом. Можно сказать, что я в него влюблена. Каждое утро, проводив мужа на работу, я выхожу с чашкой кофе в сад, присаживаюсь в удобное кресло и смотрю на свой дом. С удовольствием. От этого самого удовольствия даже вздыхаю, острота ощущений затмевает все остальные мысли. Я пью кофе маленькими глотками, смотрю на свой дом и чувствую себя счастливой.

Ведь можно быть счастливой от того, что у тебя есть дом?

Большая, ухоженная территория сада, окруженная добротным забором, очень красивый коттедж, построенный в классическом стиле. Сочетание двух цветов — белого и коричневого. Выбирала стиль не я, а отец. Когда началось строительство, я была ещё слишком мала, чтобы давать дельные советы или высказывать своё мнение, но отец и без моего мнения отлично справился. Наверное, идеальный дом виделся нам с ним одинаково. Кружевное переплетение шоколадного и кремовых цветов делает вид дома невероятно торжественным, свежим, словно, только что отмытым весенним дождем. Панорамные окна гостиной приковывают взгляд, а белоснежное крыльцо с широкими ступенями зовет зайти внутрь. Каждая деталь моего дома — что внутри, что снаружи продумана и создана для удобства его обитателей. Каждый цветок на клумбе радует глаз. Даже дорожки в саду вымощены итальянским камнем, который отец, как помню, заказывал за какие-то сумасшедшие деньги.

В нашем загородном поселке, наш дом самый большой и привлекающий внимание. Если взглянуть на поселок с высоты птичьего полета, можно подумать, что отец вздумал возводить свой дом первым, а остальные, более мелкие строения, словно тянутся к нему, пристраиваются рядышком, будто птенцы вокруг взрослой птицы с большим размахом крыльев. Зная своего папу, подозреваю, что ему подобное положение вещей льстило, а вот я никогда не относилась к соседям свысока. Со всеми общалась, здоровалась, приходила на помощь, если нужно, и никогда не кичилась дополнительными квадратными метрами, сотками и дизайнерским интерьером. Я просто любила свой дом. Просто потому, что чувствовала себя в его стенах на своем месте — комфортно и безопасно.

Если честно, моя жизнь сложилась таким образом, что я мало где чувствовала себя уютно и безопасно. Как говорила моя свекровь, Ольга Борисовна, что я жизни не знаю. Прискорбно, но она права. Большая часть моей жизни прошла как раз в стенах этого дома. С ранних лет меня воспитывал отец. Характер он имел достаточно авторитарный, спорить с ним по любому вопросу делом было бесперспективным и незавидным. И, если честно, в детстве я его немного побаивалась. То есть, любила, конечно, безмерно уважала, но боялась расстроить или рассердить. Поэтому старалась быть послушной девочкой, как он и просил. Устраивать папе лишние неприятности, удивлять в негативном ключе было нельзя. Папа много работал, много нервничал, и дома он хотел отдыхать и радоваться примерному поведению и хорошим оценкам единственной дочери.

Наверное, если бы я росла в полной семье, рядом с мамой, я бы выросла более уверенной в себе, более открытой, но мамы не стало в мои семь лет. Я помню её, говорю себе, что помню хорошо, но это не так. Чем старше я становлюсь, тем заметнее стираются воспоминания о ней. Они отступают за стену новых веяний, перемен в моей жизни, новых и новых памятных событий. Но моя мама была удивительным человеком, это я отлично знаю. У меня сохранилось несколько её фотографий, на которых невероятно красивая молодая девушка с длинными золотистыми волосами и яркими, как море глазами. Ничего удивительного, что мой отец, такой серьёзный и малоэмоциональный, полюбил её раз и навсегда. И я уверена, что с первого взгляда, хотя, никто мне историю их любви и не рассказывал. Я сама её додумала. По обрывкам фраз, по сохранившимся фотографиям.

Мама была родом из небольшого города в Краснодарском крае, выросла на берегу моря, была свободной и смелой душой, это было видно по её сияющим глазам на снимках. Она смотрела на жизнь смело, но в то же время в ожидании чуда. Которое, наверняка, случится с ней.

Кто знает, возможно, встреча с моим отцом, моё появление на свет, и стали тем чудом, которое она ждала. Я была слишком мала в момент её гибели, чтобы мама со мной обсуждала подобные вещи. Но я помню её голос, помню её улыбку, какие-то моменты нашей жизни, где она, я и папа. Мы были счастливы втроем.

Мама обожала море. Обожала морской бриз, волны, море — это была её стихия, её жизнь. Видимо, поэтому она и выбрала для меня такое странное имя. Ундина.

Вы представляете, что это такое? Моё полное имя — Ундина Петровна Огурцова. Смех же. Но маму сочетание никак не смутило, в моём свидетельстве о рождении появилось имя Ундина, которое я всю сознательную жизнь ото всех скрываю. Для всех знакомых и друзей я — Дина, по мужу — Шереметьева. Уже лучше, правда? Но мамина романтичность меня всегда подкупала, поэтому я и не злюсь на выбор имени для меня. Я знаю, что она хотела для меня той же свободы выбора и свободы духа, которой обладают мифические жительницы морей.

Ундина — повелительница водной стихии. Символ силы. Вот только с моей реальной жизнью это никак не вяжется. И порой я задумываюсь о том, что выросла совсем не такой, какой меня хотела видеть мама, и живу совсем не той жизнью, которую бы она мне желала.

Мама утонула в своем любимом море. Не побоялась начавшегося шторма, посчитала, что волны низкие, ей захотелось острых ощущений, чувства разбушевавшейся стихии вокруг себя, наверное, она посчитала, что море её не обидит. Но справиться со стихией не смогла, утонула. Спустя несколько лет после её гибели, когда боль и горечь достаточно отступили, папа, кажется, даже злиться на неё стал. И время от времени в досаде говорил, что она погибла глупо, не подумала ни о нем, ни обо мне. Эти разговоры всегда меня ранили, и я старалась поскорее от них уйти. И отца мне тоже было жаль. Я понимала, что он сильно маму любил, поэтому не может простить ей такой трагический и несвоевременный уход. Он больше не женился, без конца вспоминал её, наверное, сравнивал с ней всех женщин в мире, и не находил в них для себя утешения. А я... а мне почему-то всегда нравилось думать, что мама не умерла, а вернулась туда, откуда когда-то пришла. Она настоящая русалка, а не я. И она где-то там, среди волн, и там счастлива.

До гибели мамы мы жили в её городе, я уже не слишком хорошо помню, чем отец там занимался, только помню, что в первый класс пошла уже в этом городе, почти за две тысячи километров от моря. Опомнившись от шока и поборов приступ первой боли от потери любимой жены, папа схватил меня в охапку, и мы переехали на его родину, в среднюю полосу нашей родины. В древний и красивый город Нижний Новгород. Густые леса, бесконечные зеленые поля, великая река Волга — здесь я выросла, по сути, это моя родина. Жизнь у моря я помню плохо. Хотя, там остались родители моей мамы, но после отъезда я с ними никогда не общалась. Как-то спросила у папы, почему я не общаюсь с бабушкой и дедушкой, мы же родственники, но тот только равнодушно пожал плечами.

— Они желания не изъявляли. Ни разу про твой день рождения не вспомнили.

Ну да, на самом деле, так. Я некоторое время размышляла об этом, невесело, но затем решила, что я их даже не помню. А они, наверное, не помнят меня.

Вот такая любопытная история моего появления на свет. История любви моих родителей, моей удивительной мамы. Правда, дальше, именно в моей жизни, всё пошло куда более прозаично. Я не была похожа на свою маму — это факт. Наверное, я похожа на отца. Между прочим, он никогда не был замечен мной в каких-либо увеселительных мероприятиях. Сколько не вспоминала, ничего припомнить не могу. Папа, кажется, даже не отдыхал, он только работал, работал, наверное, пытался отвлечься от мыслей о своей потере. Он работал, а я, как верная

подруга, ждала его дома, с дневником полным хороших оценок. Жизнь наша была обеспеченной, а ещё очень спокойной и размеренной. Очень.

Девочкой я росла тихой, послушной, очень обязательной и старательной. С какого-то возраста в нашем доме стали появляться няни, то одна, то следующая. Близких родственников у нас с отцом не было, а женская рука в доме была необходима. Но как-то не приживались они у нас, все казались чужими, и лет с пятнадцати я большинство обязанностей по дому и заботы об отце, взяла на себя. И нисколько этим не тяготилась. Всегда считала, что нет в моем характере черты, которая отвечала бы за своеволие и бунтарство.

Так мы с папой и жили. Я окончила школу, поступила в институт, поступила легко, без всякого блата, вот только долго не могла выбрать факультет, профессию, которой бы хотела заниматься. Папа ни на чем не настаивал, впервые, наверное, дал мне право выбора, и я тут же растерялась. И от этой самой растерянности взяла и поступила на факультет управления бизнесом. При этом о бизнесе знала только по посещениям офиса отца время от времени. Люди в офисе сидели по кабинетам, и иногда попадались мне встреч в коридорах с чашками с кофе в руках.

Отец к моменту моего поступления в институт, уже имел достаточный вес в городе. Его имя было на слуху, он успел построить три гипермаркета, которые пользовались большой популярностью у населения, времени и сил это отнимало немерено, поэтому дома он появлялся нечасто, и, видимо, поэтому так и не женился. Ему попросту некогда было строить отношения, он строил гипермаркеты.

Зная, чья я дочь, сокурсники в институте меня сторонились. Мне так казалось, по крайней мере. Потому что все разговоры в моем присутствии, в конце концов, сводились к обсуждению открытия нового магазина, к тому, сколько Огурцов на этом заработал, и все начинали коситься на меня. А я понятия не имела, сколько отец зарабатывает, и что это может означать для меня. Я как-то не была приучена к большим тратам, к бесконечному балансу на банковской карте, к заграничному отдыху и многочисленным нарядам. Папа всего этого не одобрял. А ещё частенько повторял, что нечего привлекать к себе внимание ненужных нам людей.

— Люди завистливы, Динка, — говорил он. — А зависть — чувство плохое, не нужно его вызывать.

Он подходил ближе и разглядывал меня, мне всегда казалось, что придиричиво. Под этим его фирменным взглядом я всегда внутренне сжималась и глаза опускала. Не боялась, нет, папа никогда меня не обижал, ни словом, ни делом, но под тяжестью его авторитета я никогда ему не перечила. Была убеждена, что папа всегда знает лучше — что делать и как поступить в любой ситуации. Я всегда прислушивалась.

— Ты на мать похожа, — сказал он однажды, а я безмерно удивилась его словам. Неужели, правда? Я похожа на маму? Я столько раз смотрела её фотографии, но никогда сходства не находила. Мама казалась мне красивой, почти волшебной, с мечтательным взглядом, а я... иногда мне казалось, что я и мечтать-то не умею. Не о чем вроде.

— Жениха-то не нашла? — спрашивал он, намекая на сокурсников. К тому моменту, мне исполнилось двадцать.

— Нет, — честно отвечала я. — Они на меня внимания не обращают.

— Ну и дураки, — хмыкнул отец. Я видела, что его рука уже потянулась за телефоном, этими словами он выносил вердикт, закрывал тему, а я зачем-то сказала:

— Они меня сторонятся.

Отец поднял на меня глаза, казался удивленным.

— Почему?

Я аккуратно пожала плечами.

— Считают странной, тихой. А ещё постоянно говорят о том, сколько у нас денег.

— Ах, денег, — протянул отец, некрасиво ухмыльнувшись. — Людей только это и волнует — сколько у нас денег. Дина, ты вот знаешь, сколько у нас денег?

— Нет, — честно ответила я. Немного подумала и добавила: — Наверное, много.

— Наверное, — согласился папа. Потом наклонился ко мне, погладил меня по голове, как в детстве, и вкрадчиво проговорил: — Поэтому ты особенная, не такая, как они, Дина. Тебя не волнуют деньги. Этим ты и похожа на мать. Она тоже была... честная и бескорыстная.

Я тогда улыбнулась. И поэтому старалась никогда не задумываться, насколько обеспечен человек, с которым меня свела судьба. Папа приучил меня к мысли, что деньги человека не характеризуют. Они просто есть или нет, и счастливым можно стать в любом случае. Или не стать.

Иногда счастье тебя не находит, зато приходит благосостояние. Как компенсация, или возможность отвлечься на что-то, помимо нескладывающейся личной жизни. Это я поняла гораздо позже, когда отца уже не стало. Он погиб так же, как и мама — внезапно, в один миг. Мама вошла в море, а отец сел в автомобиль. Ехал со своей любимой охоты, которой так увлекался, его единственное увлечение, помимо работы. Уехал, и ко мне больше не вернулся. Это была самая тяжелая потеря, невероятный шок и ужас — ушел самый близкий мне человек. К тому моменту я уже была замужем, моя жизнь была устроена, но потеря отца выбила меня из колеи на несколько месяцев, я прожила их как в тумане. И всё думала — как они теперь с мамой встретятся? И встретятся ли? Это казалось таким важным.

От мыслей о жизни меня отвлек голос за калиткой. Голос знакомый и задорный.

— Динка, открывай!

Если честно, я уже и не помню, как жила без этого голоса. Как жила без своей соседки. А ведь она заехала в дом по соседству лишь полгода назад, и до этого дня, признаться, у меня не было подруг. А потом я познакомилась с Серафимой.

Серафима была удивительной, во всех смыслах. Она была громкой, энергичной, спонтанной, а еще очень смелой. У нее было непростое имя, непростая судьба, о которой она любила говорить со всеми, кого встречала, со знакомыми и незнакомыми, а еще соседка имела привычку странно одеваться — ярко, на грани чудоковатости. Но так, как Серафима человеком была творческим, ей все прощалось и принималось, как данность. Именно эта способность вызвала во мне главную зависть — что Симу всегда принимали такой, какая она есть. Ей не нужно было стараться, быть послушной, не проблемной. Сима всегда была Симой, и в этом была ее изюминка.

И мы с ней подружились. Точнее, это Сима неожиданно со мной подружилась, принялась заходить ко мне в гости, когда Максима не было дома. Мы пили вместе чай и болтали о всяких глупостях. Это оказалось так здорово, болтать с кем-то о глупостях, не подбирая тему разговора. Хотя Максим не был в восторге от нашей дружбы, и даже неблагозвучно отзывался о моей новой подруге:

— У неё, кроме ерунды, в голове и нет ничего. Чокнутая бабёнка.

За подругу мне стало обидно. Я попыталась заступиться:

— Максим, Сима книги пишет, она писательница. А ты говоришь — ерунда!

Муж невежливо фыркнул.

— Да что она там пишет! Романчики бабские, тоже мне, высокая литература.

— У неё тиражи, — продолжала я негромко, но достаточно упрямо.

Максим обернулся, и я встретила его раздраженный взгляд.

— Дина, перестань уже.

Я перестала. Что сказать мне было, но муж не хотел меня слушать, ему не досуг было со мной спорить, он собирался на работу, и я отступила.

Сима прекрасно знала, что Максим ее недолюбливает, кстати, это чувство было взаимным, поэтому она приходила после его отъезда из дома на работу. Из окон своего дома могла

видеть выезжающий из наших ворот автомобиль моего мужа, и тут же направлялась ко мне в гости, на «поболтать». И я даже была рада тому, что подруга такая понимающая. Всем спокойнее, когда недовольство не сталкивается и не нагнетается.

— Дина! — повторили из-за ворот, и я поспешила встречать гостью.

— Что ты так долго? — проворчала Сима, и продемонстрировала мне тарелку с круассанами. — Остынут же.

Калитку я за подругой прикрыла, кстати, обратила внимание на цвет волос Серафимы. Еще вчера она была платиновой блондинкой с короткой стрижкой, а сегодня уже огненно-рыжая.

— Ого, где взяла?

Сима шла впереди меня, будто хозяйка, я едва за ней попевала.

В ответ на мой наивный вопрос, Серафима фыркнула.

— Не испекла, точно. Доставку заказала. Захотелось вкусенького. Кофе неси.

Спустя десять минут мы уже вдвоем сидели в креслах напротив моего красивого дома, пили ароматный кофе, ели теплые круассаны, тающие во рту, и молчали. Сима вытянула длинные ноги в блестящих лосинах и улыбалась каким-то своим мыслям.

— Влюбиться, что ли, — выдала она вдруг. На меня глянула. — Скучно что-то.

— А влюбишься — весело станет?

Сима задумчиво хмыкнула.

— Это как повезет. Обычно я быстро начинаю раздражаться. Но на пару недель меня хватит.

— С чего, вообще, такое желание?

— Я же книгу новую пишу, нужны живые эмоции. Я и говорю, на пару недель. Как до развязки дойду, там времени на любовь у меня не будет. Как думаешь, может, поэтому я не замужем?

— Ты не замужем, потому что ты замуж не хочешь, — ответила я ей, как думала.

— А ты за своего чудесного Максимилиана замуж хотела? — заинтересовалась Серафима.

Я удивилась её вопросу

— Конечно.

— Почему?

Я выдохнула, припомнив то чудесное время, когда мы с Максимом познакомились, как муж за мной ухаживал, просил у моего отца моей руки. Мне казалось, что все так красиво, так чудесно. У меня остались исключительно теплые воспоминания о том времени.

— Потому что я его любила. Потому что все было замечательно. И мне хотелось, чтобы все так продолжалось.

Сима смотрела на меня во все глаза. Правда, без особого восторга.

— И что, продолжается?

Хороший вопрос, немного выбивший меня из колеи спокойствия и умиротворения.

Максим — был моей первой и единственной любовью. Ну, не сложилось у меня как-то с наработкой опыта до появления в моей жизни мужа. Да и откуда ему было взяться, этому опыту, если отец терпеть не мог отпускать меня куда-то в одиночку. Даже учеба в институте положения не исправила. Пока мои однокурсники вечерами встречались, веселились, заводили отношения, меня, во-первых, никто особо никуда не приглашал, а, во-вторых, папа бы не отпустил. Одно было следствием другого. Только порядок иной. Из второй причины вытекала первая. Но на тот момент я куда больше переживала из-за того, что со мной девчонки дружить не хотели, о парнях я ещё и не думала. И поэтому, когда познакомилась с Максимом, а случилось это на последнем курсе института, то восприняла его внимание ко мне, как что-то судьбоносное. Я ждала, ждала — и вот оно случилось. Пришла любовь.

Просто случилась, настало моё время, я почувствовала себя счастливой.

Мы с Максимом женаты уже семь лет. Это довольно долгий срок. Я, конечно, измеряю время нашими с Максимом отношениями, как они зарождались, как с годами трансформировались, к чему, в итоге, пришли. Я очень дорожу нашим браком, взаимной любовью, берегу нашу любовь и доверительные отношения по мере сил, стараюсь для мужа, и считаю, что неплохо справляюсь, но все равно понимаю, что семь лет — это достаточно большой срок. Вокруг столько разводов, столько расставаний. Причем, люди расходятся как-то легко, спонтанно, и, кажется, даже не особо огорчаются по поводу того, что из их жизни ушел близкий человек. А я панически боюсь подобных ситуаций. Не представляю, как могу жить без мужа. Он ведь такой заботливый, такой внимательный. Максим окружает меня максимальной заботой, за что я ему благодарна. Его бережное отношение ко мне и дает мне возможность проводить свою жизнь в спокойствии, наслаждаться своей жизнью в большом отцовском доме без всяких проблем, в том числе, и материальных. После смерти папы Максим буквально взвалил на себя дела компании, с головой ушел в работу, пока я приходила в себя после обрушившегося на меня горя. Мне потребовалось много времени, несколько месяцев, чтобы хоть немного опомниться от случившегося. А Максим тем временем занимался делами, старался сохранить бизнес, сохранить доходы компании после смерти её основателя на прежнем уровне. Конечно, папа не построил огромный миллиардный холдинг, но для нашей крупной области, Петр Петрович Огурцов сумел развить вполне доходный бизнес. Для начала открыл сеть продуктовых магазинов, а затем первым рискнул построить большой гипермаркет. На данный момент, гипермаркетов у нашей компании пять, один из них в соседней области, а на момент смерти папы в проекте было открытие строительного гипермаркета. Открывался он уже без него, благодаря усилиям моего мужа.

И как после этого Максима не любить и не быть ему благодарной?

Конечно, назвать наши отношения с мужем идеальными, будет чересчур, да и не бывает так, наверное. Но я искренне считаю, что мне повезло. А на некоторые мелочи в нашей жизни или характере мужа, я, как мудрая жена, предпочитаю закрывать глаза. Я слишком многим обязана Максиму, за его поддержку и усилия ради бизнеса моего отца, во имя его памяти, чтобы придирается по мелочам.

Я очень люблю свой дом, ценю своё спокойствие, а обеспечивает мне это именно Максим. А Серафима почему-то считает, что Максим пользуется ситуацией. Ну, и моими деньгами.

В общем, соседка была скептиком. Недоверчивой особой, не верящей в любовь и чистоту помыслов. Наверное, так.

— Мужикам, вообще, верить нельзя, Дина, — говорила она мне с видом наученной жизнью женщины. — Они слишком быстро приспосабливаются. В любой ситуации найдут позу поудобнее, шею пошире, и присядут.

— Сима, эту самую шею нашла я, — не соглашалась я. — Ты так не считаешь? — Я засмеялась. — Села и сижу. На дом вот смотрю, цветочки выращиваю.

Серафима возмущенно фыркнула.

— А он такой благородный рыцарь! Позвал тебя в свой замок! Дина, Максим твой пришел на все готовое. А в доме ты сидишь в своем, потому что можешь себе это позволить. И в этой сказке, чтоб ты понимала, Золушка — он. Вот пусть и старается, перебирает пшено, или что она там перебирала?

— Ты же писательница, ты должна знать.

— По мне, это, вообще, затея глупая — что-то перебирать. — Серафима была в своём репертуаре. Все домашние дела были не для неё. Она всегда скучала. Даже переехав из Москвы в небольшой домик с нами по соседству, она практически сразу наняла домработницу, которая приходила два раза в неделю и наводила порядок. Сама Серафима к пылесосу и швабре никогда не прикасалась, искренне считала, что рождена не для этого.

— А для чего ты рождена? — как-то поинтересовалась я у неё после бокала вина. Максим уехал в командировку на пару дней, и соседка тут же явилась ко мне с бутылкой преподнесённого ей кем-то грузинского вина.

— Для любви, — удивилась Сима моему вопросу. — Любовь, Дина, это смысл моей жизни. Если я её не проживаю, значит, о ней пишу. — Прозвучало возвышено, я заслушалась, помолчала, смаковала про себя её слова. Красиво. Правда, потом решила уточнить:

— А разве любовь не должна быть одна и на всю жизнь?

Серафима всерьёз от моего вопроса растерялась. Принялась разглядывать меня с любопытством.

— Кто вложил тебе в голову эти странные мысли?

— Папа, — честно ответила я. И с некоторой ностальгией и печалью пояснила: — Он всегда любил маму. Так больше и не женился.

— Понятно, — проговорила Сима. Её взгляд на меня всё ещё оставался странным, немного ошарашенным. Этот разговор произошел спустя несколько недель после нашего знакомства, а за последние месяцы, соседка ко мне, судя по всему, попривыкла, и так уже не удивлялась.

— А ты собираешься всю жизнь любить Максима? — спросила она в другой раз.

— Наверное, да, — после секундной паузы ответила я. — Он ведь мой муж. Нам вместе хорошо.

Я честно считала, что мне с мужем повезло. Максим был высоким, статным, можно сказать, что красивым. У всех свои стандарты красоты, но я помню, что когда впервые Максима увидела, подумала, что он очень привлекательный мужчина. Мы тогда с ним были куда моложе, улыбчивее, без вороха проблем и переживаний за спинами. И я влюбилась в Максима. А почему было не влюбиться молодой девушке, изголодавшейся по мужскому вниманию и прочитавшей сотню любовных романов? Я ждала случая, подходящего принца, и после встречи, влюбленность не заставила себя долго ждать.

К тому же, Максим нравился папе. Он, кстати, нас и познакомил. Максим работал в отделе маркетинга в компании отца около года, и успел зарекомендовать себя, раз отец его отметил и даже пригласил в дом. Это была большая редкость, папа ненавидел чужих людей в доме, даже приходящая прислуга у нас не менялась годами, а тут незнакомый молодой человек в доме. Отец тогда приболел, и попросил привезти ему документы из офиса, даже пару дней не мог отлежаться, привык всегда работать. И попросил именно Максима. Я до сих пор не знаю, случайно ли он выбрал кандидатуру Максима, или намеренно хотел нас познакомить. Отец никогда не признавался мне в таких вещах. Но случилось то, что случилось, мы с Максимом познакомились, встретились взглядами, а, уходя, будущий муж попросил разрешения пригласить меня в кино.

— Просто в кино, — говорил он мне тогда. И проникновенно, чуть смущенно улыбался. Я же покраснела, как рак, еще и потому, что за моей спиной стоял отец, и можно было подумать, что Максим приглашает на свидание его, а не меня. Но я тогда ни о чем таком не думала. Моё сердце колотилось, как сумасшедшее. Еще бы, жила себе своей тихой жизнью, жила, и тут в двери заходит высокий — молодой — красивый и приглашает уйти с ним. Хотя бы просто в кино сходить.

Отцу Максим нравился. Точнее, он его одобрил. Вспоминая сейчас то время, я начинаю приходить к мнению, что отец решил, что мне пора замуж. Я окончила институт, на работу не устроилась, как-то не сложилось с работой, папа отнёсся к моему намерению трудоустройства скептически. В общем, чтобы чем-то меня занять и придать моей молодой жизни смысл, нужно было выдать меня замуж. А тут очень кстати появился Максим, я влюбилась, и миссия была исполнена.

Все произошло словно само собой. Без лишних трагедий и ненужных дегустаций, как говорил папа. Он не любил и не воспринимал женщин с большим жизненным опытом.

— Девушка должна быть чистой, неопытной, тогда на ней хочется жениться и прожить с ней всю жизнь, — говорил он мне. — Ценишь в ней именно неискушенность.

Мне еще не было и двадцати, я отца слушала и мотала на ус. Может быть, и не надо было. Это уже сейчас, в свои тридцать два, я понимаю, что отец был исключительно категоричен. Его видение жизни даже мне теперь кажется весьма специфическим, но долгое время другого мнения в моей жизни не существовало. Только устои и жизненные взгляды отца. Уверена, моя жизнь сложилась бы по-другому, наверное, я выросла бы другим человеком, если бы папа в своё время смог отпустить и меня, и себя. Женился бы сам, нашел бы своё счастье, отпустил бы из памяти мою маму, и я бы чувствовала себя свободнее, не выросла бы трусихой и неуверенной в себе личностью. Нет, папу я люблю, я за многое ему благодарна, но не могу отделаться от мысли, что он опутал меня своей заботой, будто ватой обложил, видимо, боясь потерять ещё и меня, как маму. Даже выйдя замуж, мы с мужем никуда не уехали из этого дома, остались жить вместе с отцом. Просто потому, что другого варианта не подразумевалось.

Правда, Максим против совместного проживания с отцом, не возражал. Ему привести меня, как молодую жену, было некуда. До женитьбы он сам проживал в родительской квартире, в небольшой трёшке, правда, почти в центре города, вместе с мамой и младшим братом. Естественно, что жить с моим отцом, но в большом доме, на своей огороженной территории, показалось нам с ним предпочтительнее, чем бесконечно сталкиваться в тесном коридоре с его мамой или братом. Был вариант снимать жилье, но на квартиру, которую мой отец посчитал бы подходящей для меня, у нас с мужем точно денег не было. Да и не уверена, что папа, хоть какое-то жилье, вдали от него, посчитал бы подходящим. О переезде никто не заговаривал, ни до свадьбы, ни после. А после папиной гибели, весь дом остался в нашем с Максимом распоряжении. Поначалу он казался мне пустым, печальным, каким-то гулким, словно, склеп, я через силу заставляла себя заходить в отцовский кабинет, на душе было невероятно тяжело, но со временем я по-особенному полюбила уже свой дом. Любила посидеть в одиночестве в саду, полюбоваться на цветущие моими усилиями клумбы, подумать о том, что моя жизнь меня удовлетворяет.

Единственное, что меня огорчало, это отсутствие у нас с Максимом детей. Все-таки женаты мы были достаточное количество лет, хотелось чего-то нового, хотелось нашего с Максимом продолжения, но каждый мой разговор с мужем на эту тему заканчивался ничем. И вроде бы Максим не отказывался, говорил, что ребенок нужен, он в любой семье необходим, и у меня появится дополнительный смысл жизни, но, в итоге, сводилось всё к очередному плану переждать. Первое время после свадьбы мы собирались пожить для себя, что имело для меня весьма туманное обоснование. «Пожить для себя» — я понимала, как планы путешествовать вместе, развлекаться, что-то новое узнавать, по факту же, Максим с головой ушёл в работу, и больше времени проводил вместе с моим отцом в его кабинете или выезжая на территорию гипермаркетов с учетом и проверками. Отец называл это: передавать опыт, и не понимал, чем я могу быть недовольна. Я была недовольна, но не приучена это самое недовольство демонстрировать, поэтому терпела, молчала и ждала.

Позже погиб папа, и мысли о ребенке сами собой отступили в необозримое будущее. Я страдала, плакала, пыталась жить дальше, искала эти самые способы жить дальше, и о детях какое-то время не задумывалась. Да и Максим, после смерти тестя, стал буквально пропадать на работе, а мне говорил, что я должна понимать всю опасность и остроту ситуации.

— Мы же не хотим лишиться бизнеса, Дина, — говорил он наставительным тоном, очень похожим в этот момент на тон отца. А я не умела спорить, когда со мной разговаривали подобным образом. А от знакомых интонаций меня пробирал озноб, и накатывала тоска. И я согла-

шалась, отступала, оставляла мужа в кабинете отца, работать, а сама уходила в сад. Сидела там, смотрела на дом, и, кажется, совсем ни о чем не думала.

Или мне так казалось, потому что очень хотелось плакать. Довольно долгое время мне постоянно хотелось плакать.

— Ну, какие вам дети, — без конца вздыхала моя свекровь, Ольга Борисовна. Она время от времени навещала нас за городом, устраивалась за круглым столом на веранде, я накрывала стол к чаепитию, и старалась не обращать внимания на придирчивый взгляд свекрови, который следовал за мной неотступно. Отношения у нас с Ольгой Борисовной были достаточно ровные, но в восторге мы друг от друга не были. Она, в принципе, от меня не была в восторге, я это знала и принимала её отношение. Просто потому, что Ольга Борисовна была влюбленной в сына матерью, и вряд ли бы приняла какую-нибудь женщину рядом с ним полностью и с открытой душой. Но меня она терпела, была снисходительна и даже, порою, добра. Во время её нечастых визитов, мы с Ольгой Борисовной могли почаёвничать, поговорить о жизни, точнее, о моей жизни с её сыном, и свекровь, исходя из того, что рядом со мной больше нет старших родственников, да и, вообще, женского наставничества, давала мне советы с высоты своего опыта. Вот, например, про рождение детей. — Дина, ты должна быть внимательнее к мужу, в первую очередь. Максим так много работает, — говорила она покровительственным тоном, — между прочим, на тебя работает, для тебя старается. В конце концов, это бизнес твоей семьи, а не нашей. А он все силы туда вкладывает. Разве ему до детей? До переживаний, пеленок и ночных бдений?

Я не была согласна со свекровью, с её рассуждениями, временами даже злилась и спорила мысленно, но поставить свекровь на место, с её рассуждениями, не могла. Не умела. Ещё и этим выводила из себя решительную Серафиму, которая за несколько месяцев нашего общения, поневоле вникла в мою семейную ситуацию. Особенно, её злила Ольга Борисовна. Они несколько раз сталкивались в нашем доме, а невзлюбили друг друга с первой же встречи. Мне кажется, что с первого взгляда.

— Старая злобная горгулья, — говорила про мою свекровь Серафима, слава богу, что за глаза. Этому моменту я радовалась, потому что Симе достанет смелости и в глаза оппоненту такое заявить.

— Не такая уж она и старая, — хмыкала я, если честно, радуясь, что свекровь покинула мой дом. — Ей ещё и шестидесяти нет. И выглядит она отлично, признай.

— Ещё бы ей не выглядеть отлично, — возмущенно фыркала Сима. — На твои-то деньги.

— При чем здесь мои деньги?

— А на чьи она живет, интересно? Сынок, это который твой муж, покрывает все её расходы с лихвой. Её и его младшего братика.

Я вздыхала, не зная, что сказать. А Серафима начинала меня терзать:

— Дина, потребуй отчета во всех тратах. Ты имеешь право.

— Право на что, Сима? — удивлялась я. — Я не могу запретить Максиму помогать матери и брату. Он получает зарплату, имеет право распоряжаться ею...

— Ага, именно так он ей и распоряжается. Матери и брату свою зарплату отдает. — Серафима печально вздыхала и констатировала вслух: — Дина, ты такая наивная.

Я в нетерпении отмахивалась.

— Я не хочу об этом думать. Иначе мы с Максимом снова поругаемся, а ругаться я не люблю.

— А ты с ним ругаешься? Или он просто открыто проявляет недовольство?

Вот и сегодня она смотрела на меня с намеком. Я в который раз сказала, что люблю мужа, а Сима смотрела на меня страдальчески, будто я сморозила невероятную глупость. А потом протянула ко мне руку. Я подала свою в ответ.

— Динка, ты такая классная, — сказала мне соседка. — А ещё добрая и наивная душа. Я люблю тебя, ты знаешь?

Я подруге улыбнулась, совершенно искренне.

— И я тебя люблю. Ты тоже классная.

— Не подлизывайся, — тут же отмахнулась она. — И, вообще, меня любить очень трудно. Я вредная.

Мы с Серафимой посидели в молчании. Доели пополам последний круассан. Вместе потарасились на дом, кажется, уже обе находили в этом какое-то вдохновение. А потом соседка сказала:

— Оставлять тебя боюсь. Сердце не на месте.

Я нахмурилась. Голову повернула, на Серафиму посмотрела.

— Ты уезжаешь?

— В Москву. На переговоры с издательством.

— А-а, — я с облегчением выдохнула. — Ты ненадолго.

— На пару недель. — Сима вдруг погрозила мне пальцем. — Это долгий срок. Переживаю я что-то.

Я лишь фыркнула в сторонку. И заверила:

— Со мной ничего не случится. — После чего с некоторой грустью добавила: — Со мной никогда ничего не случается.

Сима вдруг схватила меня за руку, я даже дернулась от неожиданности.

— А ты не хочешь поехать со мной? Мы с тобой прошвырнемся по столице нашей родины...

— В каком смысле — прошвырнемся? — осторожно переспросила я.

— В нормальном смысле, — с нажимом проговорила Серафима. — Походим по магазинам, потратим деньги, будем ужинать в ресторанах. Когда ты в последний раз была в Москве?

— Ещё до замужества, с папой.

— Вот, а со мной ещё не была. Уверена, тебе понравится, куда больше.

— Не сомневаюсь, — проговорила я, но с положительным ответом видимо замялась.

Серафима это заметила, и сурово сдвинула брови. И задала короткий, но ёмкий вопрос:

— Ну и?!

Я вздохнула, не скрываясь.

— Не думаю, что Максим будет в восторге от этой идеи.

— Конечно, он не будет в восторге. В этом, Дина, и смысл. Почему Максим всегда должен быть в восторге? А как же ты?

— Ты же знаешь, я не люблю идти на конфликт.

— Да, а кое-кто этим активно пользуется.

— Сима, ты просто недолюбливаешь Максима.

— А я не только про Максима говорю, а про всю его коварную семейку. Которая села тебе на шею, и едет. И ещё замечательные недородственники делают вид, что делают тебе одолжение. — Серафима не на шутку распалилась.

— Я всё понимаю, — проговорила я, после этих слов соседка на меня заинтересованно глянула. А я кивком подтвердила свои слова. — Понимаю, что, возможно, Ольга Борисовна и Марк пользуются нашей с Максимом добротой, порой, ею злоупотребляют, но, Сима... Это его родственники, самые близкие. Это у меня никого из родных не осталось, а у Максима они есть, и то, что он о них заботится, это ведь хорошо. Ведь так? В этом проявляются его лучшие качества.

— Эта семейка тебя обирает, вот и все их лучшие качества.

— Максим работает по двадцать часов в сутки, Сима, на меня и моё благополучие в том числе. Я ему благодарна. За то, что у меня была возможность пережить горе, за то, что он взял

на себя большинство проблем после смерти папы. Даже за то, что я могу сидеть сейчас в саду, смотреть на свой дом и ни о чем не беспокоиться, я, выходит, должна быть благодарна ему.

Серафима меня выслушала, скептически кривила губы, даже выдала возмущенный смешок, но спорить со мной больше не стала. Только переспросила:

— Значит, не поедешь?

— Возможно, в следующий раз, — уклончиво пообещала я.

— Знаешь, как говорят? Чтобы встряхнуть человека, нужно взять и вытащить его из привычной рутины. И бросить...

— Куда?

— Куда угодно! С горы, в море, в непривычные обстоятельства!

— У тебя радикальные методы, как я посмотрю, — рассмеялась я.

— Только этим и живу.

ГЛАВА 2

До вечера, в ожидании возвращения мужа с работы, я всё думала о предложении Серафимы. То есть, о её приглашении поехать с ней в Москву. Не потому, что я всё же решила поехать, если честно, я даже не собиралась всерьёз раздумывать об этом, знала, что никуда меня Максим не отпустит, тем более, с Серафимой, тем более, в увеселительную поездку в столицу, да и сама я вряд ли решусь. Я думала о том, а почему, собственно, я не могу решиться? Неужели я такая трусиха? От Нижнего Новгорода до столицы нашей родины около пяти часов дороги, не так уж и далеко. И не в деньгах дело, в конце концов, я могу себе позволить многое, если я захочу. Вот только хотеть я, как будто, боюсь. И так было всегда, сколько я себя помню. Я всегда чего-то боялась, сторонилась, настораживалась от внезапных предложений и чужих планов.

Что такого ужасного, взять и поставить мужа перед фактом того, что я хочу отвлечься, отдохнуть, уехать на несколько дней с подругой? Максима днями дома не бывает, если он и заметит моё отсутствие, то только в тот момент, когда ему придется самому разогреть себе ужин. Конечно, это доставит мужу определенный дискомфорт, но ведь это вполне можно пережить, а я стану немножко самостоятельнее. Может это стало бы для меня важным шагом к самостоятельности. Но я опять же трушу, и не могу решиться.

Максим появился ближе к десяти. Я услышала, как открываются автоматические ворота, а затем шум шин по гравию. Выглянула в окно, увидела, как муж выходит из автомобиля. Несмотря на достаточно поздний час, Максим не выглядел усталым. Всё та же прямая спина, идеальная стрижка, белоснежная рубашка. В руках портфель с бумагами, а ещё, когда он заходил в дом, всегда оповещал меня об этом одной и той же легкой фразой:

— Динка, я дома, и я голодный!

Как повелось с начала нашей семейной жизни, так он до сих пор и поступает. Максим, кстати, сам приверженец привычек. У него их много, и по натуре он человек аккуратный и обстоятельный. Он, как и я, не живет эмоциями, да и проявляет их не часто. Наши отношения стабильны и уравновешены. И да, наверное, моя благодарность мужу несколько гипертрофирована, но Максим — единственный человек, который знает меня вдоль и поперек. Всё-таки за семь лет брака нам пришлось многое пережить вместе. Когда муж рядом, мне как-то спокойнее.

— Я дома, — услышала я от входной двери несколько минут спустя, — и я голодный!

Наверное, это не слишком романтическое заявление при встрече с женой после целого дня разлуки. Кто-то говорит иначе, что-то более ласковое, мягкое, целует супругу при встрече. В нашей семье нежностей было не так много, как, наверное, хотелось бы мне. Порой я грустила по этому поводу, и даже обижалась на мужа за его скрытность и некоторую сухость, мне, как любой женщине, время от времени хотелось взрыва эмоций. Но каждый раз я себе напоминала, что не всем дан дар красноречия и легкости в выражении своих чувств. Мы вот с Максимом не такие, и я прекрасно знала, выходя замуж, что мне не станут петь серенады под окном и бесконечно клясться в любви. Но я ведь и полюбила Максима не за его словоохотливость и страстность. Я полюбила его за серьёзное отношение ко мне, за ту надежность, которую я испытываю, находясь рядом с ним.

То есть, рядом с мужем я бываю не особо часто, Максим зачастую даже в выходные работает, а уж когда он в последний раз был в отпуске, я и не помню, но я же уверена в своём завтрашнем дне? Уверена. А это чувство даёт мне именно он, присутствие мужа в моей жизни.

Я вышла Максиму навстречу, встретила его улыбкой.

— Ужин уже на столе, — порадовала я его. — Мой руки.

Максим молча кивнул. Я наблюдала за ним, как он разувается, как пристраивает на вешалку свой пиджак, как проходит с портфелем к двери кабинета, чтобы оставить его там. И всё это сосредоточено, почти не глядя на меня.

— Максим, — позвала я. Муж, наконец, поднял голову и взглянул на меня, вопросительно. А я поинтересовалась: — Как прошёл день?

— Плодотворно, — сообщили мне. — Я доволен.

Ничего не понятно, но, наверное, стоит порадоваться. О чем я и сообщила ему:

— Я рада.

— А как прошёл твой день? — заинтересовался супруг, спустя несколько минут устранившись за накрытым столом. Я удовлетворенно отметила, что он выглядит уже более оживленным и домашним.

Я серьёзно кивнула.

— Хорошо. — Я принялась болтать о домашних делах, наблюдая за тем, как муж ест. Я знала, что Максим меня не слушает, потому что его совершенно не интересует смена штор в гостиной и подрезка роз на самой большой клумбе. Но нам нужно было о чем-то разговаривать, и я старалась не быть скучной. Максим хотел поговорить, и я старательно придумывала забавные темы. А когда поняла, что муж совершенно точно пропускает мою болтовню мимо ушей, зачем-то ляпнула: — Серафима предлагает мне поехать с ней в Москву.

Вот тут Максим поднял глаза от тарелки, на меня посмотрел. Обдумал мои слова и переспросил:

— Зачем?

Я как бы легкомысленно пожала плечами.

— Просто так. Развеемся.

— Развеемся? — повторил он следом за мной. — В компании этой чокнутой?

Я обиделась. В который раз принялась заступаться за подругу.

— Максим, она не чокнутая. Сима — творческая личность.

— Глупости. Она совершенно безумная особа, при этом, неприлично себя ведущая во всех местах, в которых появляется. А ты собралась с ней в Москву ехать?

Я опустила глаза, стала сосредоточенно разглядывать салат в своей тарелке, вздохнула. Покаянно проговорила:

— Я не собралась. Она просто предложила.

— Пусть свои предложения оставит при себе. Я, вообще, считаю, что тебе совершенно нечего делать в её компании. Не понимаю, что ты нашла в ней, о чем вы разговариваете?

Я плечами пожала.

— Об всяких глупостях. С Симой весело.

— Разве что, — пренебрежительно скривился Максим. — Она выглядит и одевается, как клоун, и пишет, судя по всему, такую же ерунду и похабщину.

— Максим, ты же знаешь, что это не так. Серафима — очень популярна. Вот и сейчас она едет в Москву подписывать новый контракт с издательством. Вот и позвала меня с собой. На несколько дней.

Сама не знаю почему, я продолжала говорить мужу об этой поездке. Я ведь не хотела и не собиралась... Но никак не могу перестать о ней говорить и думать.

Максим всерьёз нахмурился, глядя на меня. Спросил в лоб:

— Ты хочешь поехать? — Я замаялась, наверное, очень явно, потому что муж ворчливо проговорил: — Конечно, я ничего тебе запрещать не буду, да и не могу, Дина, но не считаю, что это хорошая идея. Неизвестно в какие неприятности ты можешь попасть, благодаря компании этой особы. Думаю, ты и сама прекрасно это понимаешь. И, надеюсь, что в тебе проснется инстинкт самосохранения.

Я ковыряла вилкой в салате, который ещё совсем недавно с таким энтузиазмом собирала. А сейчас вот есть его совсем не хотелось. Снова вздохнула, а мужу сказала:

— Конечно, я никуда не поеду. Я и Симе это сказала. Просто... Наверное, мне хочется смены обстановки. — Я на мужа посмотрела: — Максим, может, нам съездить отдохнуть? Мы так давно никуда не ездили вдвоем.

Максим довольно весело хмыкнул.

— Милая, ты сегодня полна сюрпризов. Ты даже в город без нужды не выезжаешь, сидишь в доме безвылазно. А теперь тебе захотелось путешествовать?

— Мне хочется побыть с тобой вдвоем.

— Мы и так с тобой вдвоем. Прямо здесь и сейчас.

— Я не об этом. Я... о чем-то новом. — На самом деле, я сама не понимала, что именно я пытаюсь донести до мужа, какую идею. Но я даже не успела её сформировать в своей голове, Максим уже меня перебил.

— Дина, сейчас не слишком к месту твои желания уехать, куда глаза глядят. Если ты помнишь, в эти выходные у Марка день рождения, ему исполняется тридцать лет. Он очень ждет праздника. А потом мне придется уехать на несколько дней, в командировку.

Про командировку я слышала впервые, что-то меня в этом сообщении мужа царапнуло, я нахмурилась, но Максим уже перевел тему разговора на празднование юбилея его младшего брата.

У моей свекрови было два сына, разница в возрасте у них была в шесть лет, но, если честно, я не помню, чтобы мой муж в свои тридцать лет вел себя столь же безалаберно и бездумно, как Марк. В тридцать лет мой деверь напоминал подростка, который только-только перешел совершеннолетний рубеж. Продолжал пробовать что-то новое, нащупывать свой путь и почву под ногами, как говорила моя свекровь. И, судя по всему, из-за своих опытов никак не мог устроить свою жизнь, как взрослый человек. Многие мужчины к тридцати годам уже успевают обзавестись семьей, строят карьеру, выплачивают ипотеки. В общем, несут ответственность по полной. Но только не Марк. Марк — кружил по жизни, смеялся, а его родственники, не понятно по какой причине, ему старательно потакали.

Ладно, я могу понять, почему мать, Ольга Борисовна, бросалась выполнять каждую просьбу младшего сына, она в нём души не чаяла, и для матери подобное поведение было понятно и простительно, хотя, его можно было и не одобрять. Но мой муж, его старший брат, тоже многое Марку позволял, прощал и бесконечно готов был помогать — и материально, и, участвуя в его жизни, то есть, помогая решать какие-то проблемы. Даже на работу Марка пристроил, конечно же, в нашу компанию. Между прочим, за два года работы, Марк сменил уже несколько должностей, все они казались ему сложными и замысловатыми. А работать мой деверь любил только в один день месяца — в день зарплаты.

Не скажу, что я недолюбливаю Марка, что испытываю к нему какой-то негатив, злюсь или что-то ещё в таком роде, просто... Марк кажется мне избалованным и переоценённым его матерью и братом. А ещё я не понимаю, как можно продолжать жалеть тридцатилетнего мужчину лишь исходя из того факта, что в его двухлетнем возрасте из их семьи ушел отец, и с тех пор Марк из-за этого сильно страдает.

— Мальчику не хватило мужского воспитания, — без устали вздыхала Ольга Борисовна по младшему сыну, забывая, что её старший в те времена тоже был далеко не взрослым юношей. Но Максиму, судя по всему, к восьмилетнему возрасту, общения с отцом оказалось предостаточно. Ольга Борисовна была ужасно зла на бывшего мужа, называла его предателем, и, кажется, до сих пор его люто ненавидела. Без конца тыкала ему в глаза факт его неудавшегося отцовства. И это притом, что в новом браке у моего свекра две дочери-близняшки, уже пятнадцатилетние подростки, и, судя по его лицу, мужчина вполне счастлив в новой семье. Насколько знаю, братья даже не были знакомы со сводными сестрами. Отношение матери к

бывшему мужу оказало на них серьёзное влияние, они на пару презирали отца, пресекали все его попытки к сближению и общению, и во всём поддерживали брошенную мать. Конечно, мужу я никогда такого не скажу, но я совсем не удивлена тому, что свекровь в своё время осталась в разведенках. Характер Ольга Борисовна имела довольно авторитарный и несговорчивый. Любила и покритиковать, и поворчать, и даже порой высказать своё мнение, на грани неприятного скандала. Лично я старалась со свекровью не спорить, благо виделись мы не так часто, раз или два в месяц на воскресных обедах, да на семейных торжествах. А вот Максим навещал мать куда чаще. Я бы даже сказала, по первому её требованию. Мог после её звонка всё бросить и лететь к ней, решать возникшую проблему.

Проблемы у Ольги Борисовны приключались нечасто, она была человеком осторожным и продуманным, в основном, все неприятности семье доставлял Марк. А осуждать младшего брата моего мужа в его бездумных поступках, было не принято. Даже если кто и пытался, включая меня, то этого человека тут же осекали. Однажды я даже удостоилась едкой отповеди от свекрови.

— Легко осуждать! — сказала она гневно. — Ты сначала своего сына роди, узнай, что это такое, его воспитать, поднять на ноги, устроить его жизнь, а потом уже осуждай!

Мне тогда так неудобно стало, да ещё и муж на меня смотрел сердито, непримиримо, понятно, что поддерживает мать, и мне стало ещё более некомфортно. И я зареклась рассуждать на тему воспитания деверя. Ведь, кто я такая? И в воспитании детей ничего не смыслю...

Я помню Марка ещё достаточно юным, когда мы с Максимом начали встречаться, его брат как раз оканчивал институт, и я далеко не сразу узнала, чего Ольге Борисовне стоило, каких усилий и финансовых вливаний, выучить младшего отпрыска. Кажется, Марк ни одной сессии сам не сдал, не потрудился, обо всё заботилась его мама. А Марк вел веселую, праздную жизнь, правда, тогда денег в семье не было достаточно для его шикарных увеселений, тогда Максим работал на средней должности в компании моего отца, и его семье приходилось достаточно трудно финансово. Точнее, трудно приходилось ему самому и Ольге Борисовне, Марк никогда особо не задумывался о таких мелочах, как деньги и трудности, которые он создает родным. И ведь, самое интересное, что мой муж со свекровью всегда оправдывали его глупые поступки, списывали на инфантильность и неопытность. А ведь Марку на днях тридцать исполнится.

Тридцать!

Празднование обещало быть громким. Ольга Борисовна для любимого сыночка постаралась. Арендовали ресторан на плаву, один из самых популярных, планировали застолье, фейерверки и большое количество гостей. Как говорила свекровь: «Будут нужные люди». Кому нужные, я не поняла, по моему мнению, самому Марку, кроме вереницы длинноногих девиц не тяжелого поведения, в этой жизни, вообще, никто не нужен. Ну и команды поддержки приятелей, с которыми он привык весело проводить время.

— Я пригласила повара из Москвы, говорят, он отменно готовит морепродукты, — хвасталась мне Ольга Борисовна пару недель назад, — заказала огромный торт. Марк обожает крем с ананасами, такой и будет. А ещё пригласила ди-джея, которого он сам одобрил. Говорит, какой-то его приятель, но, конечно, гонорар у этого приятеля впечатляет.

Я ещё тогда хотела поинтересоваться, за чей счет, так сказать, банкет? Что-то мне подсказывало, что не за счет заботливой мамочки, но в последний момент, конечно же, струсил, свой вопрос не задала.

Зато Ольга Борисовна тогда у меня живо поинтересовалась:

— А что ты подаришь Марику? Всё-таки у него юбилей.

— А что ему нужно? — растерялась я.

Свекровь сделала вид, что призадумалась. После чего якобы легко и небрежно махнула рукой.

— Не заморачивайся, Дина, думаю, денежного подарка будет достаточно. Знаешь, Марку же нужно своё отдельное жилье. Ему тридцать исполняется, пора мальчику начинать жить самостоятельно, а не с мамой. — Ольга Борисовна весело посмеялась, словно, шутки со мной шутила. А мне вот смешно не было. Я так поняла, что мне предлагалось подарить деверю квартиру?

Ещё и по этому поводу я ждала праздника с некоторым волнением. К тому же, муж не часто брал меня с собой на какие-то мероприятия, только на самые главные, которые касались бизнеса, и изредка мы с Максимом проводили вечер наедине, ужинали в любимом ресторане. К каждому выходу в свет с мужем я тщательно готовилась, всегда нервничала. Обычно вдвоем мы с ним отмечали какие-то совместные даты — дни рождения, годовщину свадьбы. Как я уже говорила, мой муж не слыл особо романтичным человеком, эмоции он проявлял весьма дозированно. Сюрпризов и прогулок под луной, Максим мне не устраивал. Но я, за семь лет брака, давно с этим смирилась. Люди все разные, а я полюбила именно такого, эмоционально закрытого человека. Кому теперь жаловаться?

К тому же, наша с Максимом совместная жизнь, в большинстве аспектов, меня устраивала, мужа я любила и ценила, за очень многие его качества, главное, за старания и его труды ради меня, поэтому и не жаловалась. Считала, что из меня помощник и соратник никакой, в дела фирмы я не вникаю, хотя, могла бы, Максим справляется со всем сам, и я чувствую себя немного виноватой из-за своей безынициативности.

После смерти папы, спустя несколько месяцев, когда я достаточно пришла в себя, я предложила мужу свою помощь, люблю.

— Я могу что-то делать, — самоотверженно заявила я ему. — В конце концов, у меня профильное образование, Максим. Опыта, конечно, нет, но я буду стараться...

Помню, что Максим тогда меня выслушал, снисходительно улыбнулся.

— Дина, зачем такие жертвы? Я справляюсь, компания работает, доход приносит. А ты хочешь каждый день проводить в офисе? Ты к этому совершенно непривыкшая.

Непривыкшая — это точно. Но мне так хотелось каких-то действий, свершений, чего-то, что сможет отвлечь меня от печальных мыслей. Но Максим мой порыв не оценил, и очень мягко посоветовал мне заняться домом. И собой.

— Это же правильно, — сказал он мне тогда по-особенному мягким, урчащим тоном. — Ты у меня совершенно домашняя, — вроде как похвалил он. — Давай мы так и устроим свою дальнейшую жизнь, теперь я буду заботиться о тебе вместо отца, зарабатывать деньги, а ты будешь такой же мягкой и родной, какой была всегда. В конце концов, милая, за это я тебя и полюбил в своё время.

Конечно же, я не нашла достаточных слов, чтобы с ним поспорить в тот момент. Согласилась, осталась дома. Правда, несколько раз все-таки наведывалась в офис, какое-то время меня буквально тянуло туда, хотелось, наверное, окунуться в атмосферу, которую создал мой отец. Там, кстати, пару раз сталкивалась с Марком. Как раз незадолго до этого Максим и устроил его работать в компанию, поближе к себе.

— А чем Марк занимается? — поинтересовалась я тогда.

— Он зам начальника отдела закупок.

— И что, у него получается? — вырвался у меня вопрос, на который Максим отреагировал насторожено, при этом недовольно глянув на меня.

— А что, считаешь, что у него способностей не хватает?

Я тогда лишь головой качнула.

— Не знаю. Он достаточно молод, мне интересно, как он справляется.

— Он справляется, Дина, — твердо проговорил Максим, и я под его взглядом замолкла.

И вот теперь Марку исполняется тридцать лет, и Ольга Борисовна сделала всё, что в её силах, чтобы устроить любимому сыну грандиозный праздник. Будто он до сих пор ребенок,

и измеряет любовь к себе размером заказанного торта и количеством подарков. Вот, например, мне никогда подобных праздников не устраивали. Обычно мой день рождения мы отмечали дома, в узком кругу близких людей. Мне дарили милые подарки, мы ели торт, причем, не какой-то пафосный и многоярусный, а совершенно обычный. И ничего большего я не ждала. Ни ресторанный зал, ни заморских яств, ни выступления ди-джея. Папа считал всё это невероятно глупым, и лишним. Да и замужество кардинальных перемен в мою жизнь не внесло. Мы с Максимом друг другу шумных праздников не устраивали. Как я думала, мой муж не приверженец подобных трат, но для младшего брата, судя по всему, готов расстараться. И даже глупым ему подобные задумки не кажутся.

— Дина, Марк молод, ему всё это интересно.

— Мы с тобой не намного его старше.

— Мы другие, — развел руками муж, — нас с тобой подобные глупости не интересуют.

— Максим вдруг хохотнул. — Да нам с тобой и приглашать на такие праздники некого. Кто из наших знакомых будет отплясывать на танцполе? Ты хоть одного такого знаешь?

Пришлось согласиться, знакомых таких у меня и, правда, не было. Но разве что Серафима. Я даже представила, как она одна танцует в середине зала на моем дне рождения, а все остальные гости с серьёзными лицами наблюдают за ней из-за изысканно накрытого стола. Думаю, соседку такая перспектива не смутила бы, но ситуация показалась мне неловкой.

— Что мы Марку подарим? — вспомнила я о насущном. — Твоя мама у меня интересовалась, но я так и не придумала, если честно, подходящий подарок.

Максим как-то странно замялся, я заметила, но затем он голову поднял, посмотрел мне в глаза и даже улыбнулся.

— Не переживай, подарок я купил.

— Правда? — не на шутку заинтересовалась я. — Что?

— Увидишь на празднике. Вместе со всеми.

— Почему ты мне не говоришь? Это тайна?

— Не тайна, — отказался Максим. — Просто сюрприз. Не хочу, чтобы кто-то проболтался. Я даже маме не сказал, вот. Потерпите, осталось несколько дней.

Такая таинственность мне не понравилась. Я не понимала её смысла, но муж, кажется, всерьез не собирался открывать мне тайну. Я поворошила вилкой салат в тарелке, не утерпела и проговорила негромко:

— Надеюсь, ты не собираешься выпрыгивать из торта в середине праздника.

Максим, который уже отвлекся на еду, поднял голову и глянул на меня непонимающе, словно не расслышал.

— Что?

Я тихонько вздохнула.

— Ничего. Шутка. Потерплю до субботы.

Максим удовлетворенно кивнул.

На следующий день Серафима уехала. Странно было пить кофе в одиннадцать часов без неё. Обычно я к этому моменту делала передышку в домашних делах, а Сима соизволяла проснуться и начать новый день, а начинать его она уже привыкла в моей компании, со свежесваренным кофе и какими-нибудь вкусняшками. А сегодня вот взяла и с утра пораньше укатила в Москву.

— Ты не говорила, что уедешь сегодня, — расстроилась я, когда получила от соседки звонок по видеосвязи. Серафима общалась со мной, уже сидя в вагоне скорого поезда.

— Я и не планировала. Мне позвонили вчера вечером и попросили приехать срочно. А что такое, я тебе нужна?

— Конечно, нужна, — продолжала страдать я. — Мне же нужно купить платье для праздника, а ты знаешь, что я ненавижу выбирать платья. Думала, что ты со мной пойдешь.

— Я и пойду, — легко отозвалась Серафима, с аппетитом откусывая краснощекое яблоко. — Только виртуально. Динка, не переживай, купим мы тебе платье. Феерическое.

— Зачем мне феерическое? — тут же отказалась я. — Мне нужно просто красивое. И элегантное.

Серафима тут же состроила кислую физиономию в камеру.

— Дина, элегантного у тебя полно, а вот феерического ничего нет. Только представь, ты заходишь на этот свекровкин шабаш, в обалденном платье, все на тебя оборачиваются, теряют дар речи, и ты — звезда вечера.

— Не, не, не, — тут же запротестовала я против таких фантазий подруги, — не надо, чтобы все оборачивались. Я, вообще, предпочту появиться там на пару часов, и уехать. День восхваления Марка — это не мой праздник.

Серафима согласно фыркнула.

— Действительно, было бы, что там восхвалять. Сплошное самолюбование. Ну и мамочкино поклонение. Что подаришь?

Я плечами пожала.

— Не знаю. Ольга Борисовна намекала на что-то особое и запоминающееся...

— То есть, дорогое, — подсказала Сима.

— Наверное. Но Максим сказал, что подарок от нас с ним уже купил, поэтому я решила не вмешиваться.

— Я позвоню своему мастеру и запишу тебя на прическу и макияж.

— Сима...

— Не хочу ничего слышать, — нараспев проговорила соседка. — Пойдешь, как миленькая.

Я засмеялась, сдаваясь.

— Хорошо, пойду. Обещаю.

Серафима была Серафимой, и поэтому обещания свои всегда держала, и на помощь приходила. Поэтому за три дня, что оставались до субботы, мы выбрали для меня новое платье, очень красивое, как я считала. Туфли и сумочку к нему, полный комплект. Платье было цвета морской волны, и невероятно мне шло. Легкая, струящаяся ткань, будто морская волна, стекала по моему телу, шелк переливался при каждом движении, и я, на самом деле, чувствовала себя особенной. Вернувшись из магазина, тут же платье надела и долго крутилась перед зеркалом. Пробовала приподнять волосы, убрать их наверх, распускала их по плечам. А ещё улыбалась себе, представляя себя на предстоящем празднике. И пообещала себе, что буду смелой, обаятельной и общительной.

Когда в субботу я спустилась к Максиму, поджидающему меня, чтобы поехать на праздник, с удовлетворением отметила, что муж молчал дольше, чем обычно. Разглядывал меня, очень внимательно, после чего довольно кивнул. Потом, кажется, вспомнил, что нужно что-то сказать, и даже мне улыбнулся.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал мне Максим, и подал мне руку, когда я спускалась по последним ступеням лестницы.

Я подала ему свою, и счастливо улыбнулась.

— Спасибо. — И тут же ляпнула: — Тебе, правда, нравится?

— Нравится, — успокоил меня муж. — Очень.

Я довольно выдохнула.

— Очень хорошо. — Рука сама собой поднялась к уложенным волосам. — А прическа? А макияж?

— Дина, тебе очень идет.

После слов мужа я, на самом деле, почувствовала себя красавицей. А для меня это редкое ощущение.

Гостей собралось приличное количество. Когда мы с Максимом подъехали к ресторану, трехпалубному плавучему судну, полностью освещенному огнями, мне показалось, что оно переполнено людьми. А ведь Ольга Борисовна арендовала его полностью для этого важного вечера. Играла музыка, люди веселились, по палубам сновали официанты с подносами, разнося угощения с фуршетного стола и бокалы с напитками. Как только мы ступили на главную палубу, к нам подоспел услужливый организатор сей шумной вечеринки, и он, как оказалось, был с моим мужем знаком. Заулыбался чуть заискивающе, и оживленно затараторил:

— Добрый вечер, добрый вечер, Максим Александрович. Это ваша супруга?

— Дина, — представилась я, видя, что молодой человек здорово нервничает. То ли опыта у него маловато, то ли масштаб праздника велик, и подобное ему раньше не доверяли, то ли всё вместе. Я даже ободряюще улыбнулась.

— Очень приятно, — отозвался он, и как мне показалось, странно на меня посмотрел, удивленно распахнутыми глазами.

— Как все проходит? — поинтересовался у него Максим сдержанным, чуть скучным тоном. — Мама довольна?

— Ольга Борисовна за всем следит сама, никому не доверяет. — Смех молодого человека прозвучал немного деревянно. Понятно, из-за чего он нервничает, моя свекровь не дает ему дышать и делать нормально свою работу.

— А мой брат?

— Марк Александрович, кажется, всем доволен. — И тут же предложил: — Я провожу вас к столу.

На средней палубе был организован банкетный зал, как ни странно, достаточно просторный. Вмещающий почти сто пятьдесят гостей. Расставлены столы, установлена небольшая сцена и аппаратура, а под открытым небом на палубе можно было танцевать.

— Мы отчаливаем через двадцать минут, — оповестил нас молодой человек, а я неожиданно для себя удивилась.

— Отчаливаем? Мы будем плыть?

— Конечно. Такова программа. Вы не знали?

— Нет. — Я на мужа посмотрела, вдруг ощутив небывалое воодушевление. — Максим, ты мне не говорил.

— Не думал, что тебя это интересует.

— Это так здорово!

— Марк захотел...

— Мы вернемся к двум часам ночи.

Я села за стол, оглядела зал, вместо стен — огромные окна, видно яркую набережную, людей на палубе, темнеющее на горизонте небо... Мне определенно нравился вечер, по крайней мере, его начало. А я переживала, что это мероприятие окажется трудно пережить.

Марка я заметила на палубе в окружении друзей. В основном, подруг. У моего деверя, вообще, было очень много друзей женского пола, а моя свекровь, как заведенная, твердила, что её младшему сыну нужно быть очень осторожным. Ведь он такой наивный, всем верит, всех жалеет, особенно, девушек. Окрутят его, бедняжку, он даже понять ничего не успеет. Вот и приглядывает Ольга Борисовна за ним, даже сегодня, не спускает глаз с бедного тридцатилетнего мальчика, которого девушки облепили, как мухи.

Это она так сказала, обеспокоенно и чуть негодуя, присев к нам за стол. Ольга Борисовна красовалась в новом брючном белоснежном костюме, к юбилею сына она сделала довольно смелую короткую стрижку и броский макияж. И, надо признать, совсем не выглядела матерью двух взрослых сыновей, одному из которых уже исполнилось тридцать шесть лет. Кстати, Ольга Борисовна и меня окинула придирчивым взглядом, после чего удовлетворенно кивнула, совсем, как сын, и даже сказала очень похожие слова:

— Дина, тебе идет платье. Очень хорошо.

Прозвучало это не как комплимент, а именно, как похвала, будто она удивлена. Я, конечно, в ответ благодарно улыбнулась, но внутри меня царапнула обида. Свекровь тоже считает меня серой мышью? Причем, одомашненной.

Теплоход отчалил, я смотрела в окно, на медленно отдаляющуюся пристань, а рядом муж со свекровью негромко переговаривались. Ольга Борисовна достала из своей маленькой сумочки ослепительной красоты веер, украшенный кристаллами, и принялась им обмахиваться. А сама внимательно наблюдала за передвижениями младшего сына среди гостей. Марк выглядел нарядным, невероятно довольным, улыбка не сходила с его лица. Лицо было красивое, а улыбка ещё лучше, попросту ослепляла всех окружающих людей, особенно девушек. А у деверя получалось всех одаривать своим вниманием.

Интересно, кто все эти девушки? Откуда они взялись на одном празднике? Неужели свекровь пригласила? Я кинула на Ольгу Борисовну изучающий взгляд, пытаюсь понять, для чего ей это. А та, кажется, наслаждалась происходящим, даже решила поделиться переполняющими её эмоциями.

— Максим, ты посмотри, посмотри, они же кружат возле него. Марик в своем репертуаре, — вроде ворчала, а вроде посмеивалась свекровь.

— Мама, разве не для этого ты затевала этот праздник? Чтобы присмотреть ему жену?

— Жену? Среди этих нимфеток? Ни одной приличной девушки не вижу.

— Не преувеличивай. Уверен, что половину из них ты приглашала лично, и отбирала очень тщательно.

— Но в жены ему никто из них не годится.

— А Марк хочет жениться? — поинтересовалась я, скорее, от скуки. И без этого знала, что Марк не хочет. Не задумывается и лишь фыркает в пренебрежении, когда мать при нем заводит разговор о его будущем.

— Хочет, не хочет, а время идет. Возраст уже подходящий. Но выбирать нужно с умом, помнить, кто он такой, что у нас за семья. Жена Марика должна быть под стать.

Свекровь говорила воодушевленно и с небольшой тревогой и душевной болью о судьбе своего младшего сына. Судя по всему, она этими эмоциями и жила, это был смысл её существования. Её взгляд, кажется, неотступно следовал за Марком, по всей палубе теплохода. А младший сын не замечал ни материнского внимания, ни заботы, не переживал, если доставлял какие-то проблемы и хлопоты. Он просто жил в своё удовольствие.

Я видела всю ситуацию, но старалась не комментировать и мнения своего не высказывать. Однажды слова критики у меня вырвались, сами собой, но в ответ я получила жесткий ответ. Ольга Борисовна тогда и высказала мне, что я, не являясь матерью, не могу её судить. А сейчас у меня больше любопытства вызвали ее слова о том, что для Марка нужна подходящая девушка, подходящая жена. Соответствующая их статусу. Что там с их статусом, кроме громкой фамилии, я не очень поняла.

Но с некоторых пор желания влезать в её процесс воспитания великовозрастного дитятки я не имела. Да и воспитывать тридцатилетнего мужика, по-моему, вещь бесполезная. Раньше надо было что-то вкладывать в его голову. Сейчас уже поздно. И куда больше отношения свекрови меня удивляло то, что мой муж, его старший брат, мать в любви к младшему полностью поддерживал. Я бы не удивилась, если бы Максим ревновал, хоть немного, ведь, объективно говоря, к нему мать относилась куда менее трепетно, не так переживала, по сути, переложив на старшего сына заботы об их семье, чего-то ждала, что-то требовала, ставила условия и задачи. А для Марка оставалось всё самое лучшее, вся материнская любовь. Но Максим принимал сложившуюся ситуацию, как должное, и мать поддерживал, братика любил. Прощал ему многое, проявлял снисхождение. Ни к кому не проявлял кроме Марка, даже ко мне не в такой степени.

— Откуда столько гостей? — решила я поинтересоваться у мужа, когда Ольга Борисовна оставила нас одних. Свекровь, кажется, нисколько не интересовали поданные горячие блюда, она ходила по пятам за организатором, и что-то зудела тому на ухо, видимо, требуя каких-то доработок. Мне всерьез стало жаль молодого человека, за этот вечер ему следовало бы дать хорошую премию.

— Сотрудники компании. Кое-кого из них ты должна помнить.

Я окинула взглядом лица людей. Невольно хмыкнула.

— У нас работает столько девушек?

Муж на меня не посмотрел, а ответил совершенно спокойно:

— Конечно. В торговле и маркетинге всегда много женщин.

Люди вокруг нас веселились. Кое-кто подходил к нашему столу, приветствовали Максима, перекидывались несколькими фразами, в основном, по работе, а я довольно скоро почувствовала себя лишней на этом празднике. На меня никто не обращал внимания, и даже новое платье, которому я так радовалась, почти перестало мне нравиться. Максим был занят разговорами, в которых мне не нужно было участвовать, я посидела минут двадцать за столом, не имея возможности вставить хоть слово, затем решила выйти на открытую палубу. К тому моменту большинство гостей устроились за накрытыми столами, слушали звонкий голос ведущего, и на палубе можно было постоять в одиночестве, посмотреть на темную воду внизу. Правда, было прохладно, меня довольно скоро пробрал озноб, но я продолжала стоять. Совсем не хотелось возвращаться. Через стеклянные стены ресторанный зала видела гостей, мужа, который постоянно был кому-то нужен. А вот я никому не нужна, это всерьез удручало.

— Вы ведь Дина, жена Максима Александровича?

Я повернула голову, увидела совсем рядом с собой хрупкую блондинку. Я даже не слышала, как она подошла, что и не мудрено, она была настолько миниатюрна, практически невидима. И по-настоящему красива, будто фея. Милое личико, светлые волосы, распущенные по плечам, причем, густые и шикарные, глаза голубые-голубые, и совсем не глупые. Платье не притязательное, но притягательного силуэта. Легкое, короткое, но оно необыкновенно ей шло. Уверена, что мужчины обожают на неё смотреть, их взгляд на её красоте отдыхает.

Я рядом с ней почувствовала себя большой и неуклюжей, хотя, разница в росте и весе у нас с ней была не так уж и велика. Но я сказочной феей точно не выглядела.

Я окинула незнакомку взглядом, в конце концов, кивнула.

— Да, я жена Максима Александровича. А вы, простите?..

— Меня зовут Татьяна. — Девушка подступила ко мне довольно смело, протянула руку для знакомства, но я видела, с каким интересом она меня разглядывает. — Я работаю в рекламном отделе.

— Замечательно, — проговорила я, не зная, что ей ещё сказать. Решила поинтересоваться: — Вы что-то хотели спросить?

Девушка тут же покачала головой.

— Нет. Просто любопытно было с вами познакомиться. Увидела, решила подойти... Или это наглость?

Я лишь вежливо улыбнулась.

— Что вы. Мне было приятно познакомиться.

Я почувствовала, что Татьяна смерила меня ещё одним внимательным и неспешным взглядом, а затем вернула мне ту же вежливую, скучную улыбку. И ушла. Я смотрела ей вслед пару мгновений, гадая, что это было. Она уже вошла через стеклянные двери в ресторанный зал, а я всё ещё провожала её взглядом. Мне показалось, что я заметила, как она замешкалась, словно, не зная, в какую сторону ей идти, но, в итоге, присела за один из столов.

Поздравить Марка мне удалось, наверное, самой последней. Он был постоянно кем-то занят, с кем-то говорил, обнимался, танцевал, надо сказать, что он с матерью и братом далеко

не сразу пересекался. А про меня, скорее всего, и не вспомнил бы, если бы я сама к нему не подошла.

— Дина, ты наша красотка, ты знаешь? — чуть пьяно проговорил Марк, сгребая меня в медвежьи объятия. От деверя пахло дорогим одеколоном и ещё более дорогим коньяком, а белоснежная рубашка аж закрипела под моей щекой, настолько она была новой и отглаженной.

Я натянуто улыбнулась, похлопала младшего брата мужа по щеке, вполне себе по-родственному.

— Поздравляю тебя с круглой датой, — сказала я ему. — Это уже серьёзный, осмысленный возраст.

Марк весело хохотнул.

— Тебя Максим попросил мне это сказать?

— Нет. Просто мне самой было тридцать, помню свои ощущения по этому поводу.

— Ты переживала?

— Переживала, — согласилась я.

— А вот я не переживаю. — Марк обнял меня за плечи, довольно крепко, наклонился к моему уху и проговорил, обдавая меня алкогольным дыханием: — У меня, Динка, всё хорошо.

Я попыталась от него отстраниться, невольно поморщилась от его близости, об объятиях я точно не просила. Пробормотала:

— Не сомневаюсь.

— А у тебя? — Марк вдруг пытливо заглянул мне в глаза.

— И у меня всё хорошо, — сказала я, в надежде, что он отстанет.

А Марк вдруг как-то неприятно засмеялся и выдал:

— Сокровище ты наше.

Меня очень неприятно царапнули его слова. И вроде в самих словах ничего плохого не было, но вот интонация мне не понравилась. Но я не успела как следует обдумать свое недовольство, потому что к нам присоединилась моя свекровь, потянула сыночка-именинника к себе, поцеловала того в острый подбородок.

— Марк, через несколько минут мы швартуемся, и тебя ждет сюрприз.

— Сюрприз? — Марк другой обнял за плечи и мать. — Мамуля, ты же знаешь, как я обожаю сюрпризы.

Я осторожно отступила от них, отошла к перилам палубы, и попыталась найти взглядом мужа. Это получилось не сразу, гости, видимо, предупрежденные о сюрпризе, массово вышли на палубу, и теперь толпились в ожидании. Из открытых дверей зала доносилась музыка, многие пританцовывали, кто-то смеялся, другие общались, в общем, настроение у гостей было отличным. Можно было сказать, что праздник удался, свекровь молодец, справилась на славу. А сейчас все ждали умопомрачительной концовки.

В тот момент, когда на палубу вывезли большой торт под громкое улюлюканье гостей, я и увидела Максима. Он появился из дверей, ведущих в кают-компанию за ресторанным залом. В этом не было ничего удивительного или подозрительного, но следом за ним из дверей вышла та самая девушка, что подходила ко мне знакомиться совсем недавно, и на этом факте я невольно заострила внимание. Я пыталась следить за ними взглядом, но большое количество гостей этому мешало. Я даже шею вытянула, на цыпочки привстала, пытаясь увидеть Максима, но следом себя одернула. Для чего я это делаю? Я что, мужу не доверяю? Он мне какой-то повод для этого дал?

— Сынок, любимый, поздравляю тебя с днем рождения! — услышала я тем временем громкий, восторженный голос свекрови, и невольно отвлеклась на то, что происходило совсем рядом. Ольга Борисовна как раз повисла у Марка на шее, тот смеялся, затем принял от матери

специальный нож, чтобы начать резать торт. Теплоход как раз дернулся, причаливая, а на пристани неожиданно вспыхнул яркий прожектор, я обернулась, пытаюсь понять, что происходит.

— Мы же обещали тебе сюрприз на день рождения! — Ольга Борисовна от энтузиазма в ладоши захлопала, и тут же принялась оглядываться. — Максим, Максим, где ты? Дари подарок брату!

Из-за спин гостей возник мой муж, Максим улыбался, затем крепко обнял младшего брата, похлопал того по спине.

— Твой юбилей, — услышала я его слова. — Первый серьёзный юбилей. Поэтому и подарок серьёзный, но ты его достоин. Мой брат. — Максим снова хлопнул Марка по спине, взъерошил тому волосы. А затем сделал широкий жест рукой в сторону пристани. — Оцени подарок!

Я тоже обернулась, гости все шагнули к перилам, кто-то вытягивал шею, чтобы поскорее увидеть. За моей спиной принялись восторженно ахать, кто-то даже аплодировал, Марка поздравляли, на этот раз уже не с днем рождения, а с полученным подарком. А тот издал победный вопль и, кажется, даже подпрыгнул пару раз. Я не видела, прыгал он или нет, я лишь стояла и смотрела на пристань. На которой был припаркован спортивный автомобиль. Низкий, красный, юркий, с полированными боками. Даже издали автомобиль смотрелся дорого и шикарно.

И ответных радостных эмоций во мне не вызывал.

Сколько это, вообще, стоит?!

ГЛАВА 3

Наверное, все гости посчитали, что день рождения Марка удался. Все, кроме меня. Подарок моего мужа брату меня поразил. Я не знала, как реагировать. Марк, надо отдать ему должное, и меня подошел поблагодарить, обнял меня, и мне пришлось нацепить на лицо улыбку. Проговорила негромко:

— Поздравляю. — А сама в этот момент на мужа смотрела.

Пришлось еще вытерпеть момент, когда все спустились с трапа теплохода на пристань, как разглядывали новенькую машину, как Марк бегал вокруг нее, и радовался, как мальчишка. Его радость, конечно, подкупала, но я не могла понять, за что он получил такой подарок. Что за блажь, что за щедрость?

За что?

— Максим, я хочу уехать домой.

Я подошла к мужу и взяла его за локоть. Муж стоял в компании людей, как я поняла, сотрудников фирмы, и мое пожелание Максиму не очень понравилось. Взглянул он на меня в явной досаде.

Да и на моё появление обратили внимание все, кто стоял рядом с ним. Я подошла, и люди замолчали, прекратили разговор, перестали смеяться, все смотрели на меня. Кстати, та девушка, Татьяна, тоже оказалась рядом, и на меня глазела, нисколько не стесняясь. Но я смотрела только на Максима, ждала его действий.

— Мы могли бы еще остаться, — высказал мне муж, когда мы, простившись, всё же ушли с праздника.

А мне даже отвечать ему не хотелось. Как-то так получилось, что я Максима обогнала, слишком была впечатлена и возбуждена увиденным, вот и припустила к нашей машине на стоянке. Я была зла, эмоция, которую я испытываю достаточно редко, поэтому не знала, что с этим делать. А еще раздражали громкие звуки музыки и многочисленных голосов за спиной. Праздник продолжался.

— Ты про этот сюрприз не хотел мне говорить? — поинтересовалась я, когда мы оказались у машины. Кстати, наш семейный автомобиль был куда скромнее, чем тот, что был подарен сегодня Марку.

До машины мы с Максимом шли пару минут, в полном молчании, я почти бежала, и все думала, стоит ли мне выливать на него свое недовольство. Так и не решила, стоит или нет, слова сами с языка сорвались.

— Ну да, — вроде как удивился Максим моему вопросу. — Хотелось, чтобы все удивились.

— Я удивилась, — призналась я. На мужа посмотрела. — Очень удивилась. Максим, сколько стоит эта машина? И за чей счет такой подарок?

Максим таращился на меня, теперь уже в изумлении.

— А к чему такой вопрос?

— По-моему, очень даже к чему. Не думаю, что твоя зарплата может покрыть такую покупку. — Раздражение буквально бурлило во мне, очень неожиданное и незнакомое чувство.

— Моя зарплата?

Я развела руками.

— Я не помню, что давала согласие на такой подарок для твоего брата. И если ты взял деньги не со своей зарплаты, то я не понимаю откуда.

Мы с Максимом смотрели друг на друга, и я понимала, что он также на меня злится. Уже злится. Вот только ответить ему мне, по сути, нечего, если только предложить закрыть рот и

не лезть не в свое дело. Вот только дело это было моё, Максим это понимал, и именно из-за этого и злился.

— Ты предлагаешь мне отчитаться в тратах? — скрипучим голосом спросил он.

Я отступила на шаг, приложила прохладную ладонь ко лбу. Попыталась перевести дыхание.

— Максим, я не понимаю, что за необходимость была дарить Марку такой подарок. — Я руку опустила, вздохнула. — Максим, мы никогда так не жили.

— Мы не жили?

— Да, — с нажимом проговорила я, — мы так никогда не жили. И не притворяйся, что не понимаешь. Папа терпеть не мог бездумных трат, и не считал, что нужно выставлять напоказ свое благосостояние. А ты делаешь своему брату такие подарки! Чем он это заслужил?

— Он мой брат!

— Это не повод! — отчеканила я, и вдруг сама же уловила в своем голосе знакомые отцовские интонации. Что со мной происходит?

Максим выругался, достаточно громко. Сделал круг по стоянке, а сам все на меня косился, недобро.

— Что ты хочешь от меня? — рыкнул он. Ткнул пальцем в сторону, где продолжался праздник. — Чтобы я пошел и отнял у брата подарок?

Я обдумала эту возможность, поняла, что это будет выглядеть из рук вон плохо, и начнется огромный виток сплетен. Поэтому сказала мужу:

— Я хочу, чтобы в дальнейшем ты обошелся без подобных сюрпризов. Твой брат не настолько ценный сотрудник, чтобы ему делали подарки за несколько миллионов рублей.

— Он мой брат, Дина, — отчеканил Максим. — Он семья.

— Твоя семья, — вырвалось у меня. Наверное, это было чересчур резко и уже смахивало на начало грандиозного конфликта. Это напугало, и я даже взгляд мужа больше не смогла вытерпеть, поэтому поторопилась сесть в машину.

Домой мы ехали в гнетущем молчании. Я смотрела в окно, думала о нашей с Максимом ссоре, и осознала, что я даже не помню, когда мы ругались с ним в последний раз. Если вообще ругались. Кажется, Максим не ожидал от меня таких слов. Не ожидал, что я позволю себе его обвинить, предъявить претензии в открытую. Да я сама от себя не ожидала, если честно. Но поступок мужа меня обескуражил. Меня так не воспитывали, отец всегда учил меня быть скромнее, и не заниматься самолюбованием. То, что у нашей семьи есть деньги, это результат труда, а не бесконтрольного транжирства в угоду своим страстям.

Господи, я даже голос папы в своей голове слышу.

— Я лягу в гостевой комнате, — процедил Максим сквозь зубы, когда мы оказались дома. Вот в этот момент меня кольнуло самое настоящее чувство вины, я тут же решила, что перегнула палку, что я повела себя неправильно. Возникла та самая предательская мысль, что я не имела права... Не имела права возразить, не имела права устраивать ссору, не имела права упрекать Максима деньгами. Никогда не упрекала, всегда доверяла, но потраченная сумма на подарок Марку, смутила бы любого. А Максим даже не счел нужным посоветоваться.

— Максим, — позвала я мужа, когда он повернулся ко мне спиной. Но услышала только недовольное:

— Мне нечего больше сказать.

Что ж, мне тоже нечего было сказать. Я ушла в нашу спальню одна, прикрыла за собой дверь, включила свет и остановилась перед большим зеркалом. Оттуда на меня смотрела симпатичная девушка с несчастными глазами. Мой красивый и стильный наряд больше не радовал. Счастья он мне не принёс.

Проснулась я, как всегда, на час раньше Максима. Спустилась вниз, чтобы приготовить ему завтрак. Понимала, что, наверное, поступаю неправильно, но мне очень хотелось заслу-

жить улыбку мужа. Знак того, что наша вчерашняя ссора осталась в прошлом. Думаю, что о потраченных деньгах нам поговорить все же придется, но уже не на повышенных тонах и без лишних обид. Я принялась жарить для Максима его любимые кружевные блинчики. Пекла и мысленно представляла, что бы мне на такое мое поведение сказала Серафима.

Вздохнула. А когда услышала шаги мужа за спиной, от неожиданности чуть не подпрыгнула. Обернулась.

— Доброе утро, — вырвалось у меня.

Муж появился на кухне, уже в костюме, словно, собирался побыстрее сбежать из дома. Обычно завтракать Максим предпочитал не торопясь, просматривал новости, какие-то сообщения, бумаги, пил кофе, и это было мое самое любимое время за весь день, самое спокойное и безмятежное. Но сегодня мне даже намек на безмятежность не дали. Максим явно проснулся не в настроении, и на меня смотрел с претензией и обидой, и скрывать этого не собирался. Мне стало очень не по себе от его взгляда. Я надеялась, что за ночь Максим успокоился, но ожидания не оправдались.

Муж сел за стол, сам налил себе кофе из кофейника. Я понимала, что он принципиально на меня не смотрит.

Я подошла, аккуратно поставила на стол тарелку с блинчиками. Они все были, как с конкурса блинной красоты, но, кажется, этим утром это никого не интересовало.

— Как ты спал? — спросила я.

— Плохо, — отозвался Максим, не глядя на меня. — Ты постаралась.

— Максим, — вырвался у меня обречённый вздох. Но договорить я не успела, потому что зазвонил мой телефон. Я, если честно, удивилась. На часах только начало девятого, кому я понадобилась в такую рань? Да еще в такой момент, когда муж, судя по всему, со мной разводится надумал.

Тфу-тфу-тфу.

Я потянулась за телефоном, номер на экране значился незнакомый. Мне не хотелось отвечать, хотелось поговорить с мужем, обсудить вчерашний инцидент, к тому же, Максим по-прежнему на меня не смотрел, и из-за этого в моей душе что-то переворачивалось. А такого быть не должно, ведь мы с мужем живем душа в душу.

— Я слушаю, — недовольно проговорила я в трубку.

— Ундина Петровна Шереметьева? — услышала я в трубке заволашевающий мужской баритон. Который все испортил только одним упоминанием моего настоящего имени. Обычно от этого настроение у меня портится на весь день, а тут уже второй фактор, а утро только начинается. Замечательно.

— Может быть, — отозвалась я настороженно.

В трубке помолчали, потом повторили свой вопрос:

— Вы Ундина Петровна?

Стало понятно, что ходить кругами будем долго, поэтому я созналась:

— Да. Я вас слушаю.

— Доброе утро. Меня зовут Герман Остович. Герман Леонидович. Я адвокат, душеприказчик Семена Даниловича Рябко. Вам известно, кто это?

Я нахмурилась, на минуту забыла про обиженного мужа, отвернулась к окну. Раздумывала.

— В принципе, да, — ответила я спустя пару секунд. — Насколько знаю, так звали моего деда. По матери.

— Именно так, Ундина Петровна.

— Вы можете звать меня Диной? Я не люблю это имя, — не стерпела я.

— Как скажете. — Мужской голос был глубокий, бархатистый, а вот тон легкий, чуть насмешливый. — Дина Петровна.

— Спасибо. Так что вы хотели?

— Я бы хотел встретиться с вами, Дина Петровна. Я на данный момент в Нижнем Новгороде, точнее, я приехал, чтобы встретиться с вами.

— Откуда приехали?

— Из Москвы. Вы сможете уделить мне время в течение дня?

— Наверное... — Я глянула на мужа, и поняла, что Максим смотрит на меня и даже прислушивается к разговору, очень сосредоточено. Я нервно кашлянула и решила поинтересоваться о деталях встречи. — Это связано с моим дедом?

— К сожалению, ваш дед скончался месяц назад, Дина Петровна. Как я уже сказал, я являюсь его душеприказчиком.

— Месяц назад? — повторила я за ним эхом. — Я думала, что его нет в живых давным-давно... — Я была потрясена новостью, если честно.

— Это не так. Семен Данилович скончался месяц назад в возрасте восьмидесяти двух лет.

— Ого, — вырвалось у меня.

— Дина Петровна, ваш дедушка оставил вам наследство. Именно это нам и стоит с вами обсудить.

— Наследство, мне? Но мы с ним даже незнакомы!.. Почти. Я была совсем маленькая, не помню ни его, ни бабушку...

— Дина Петровна, вы его единственная родственница. К тому же, ваш дедушка написал завещание на ваше имя.

— С ума сойти, — пробормотала я и опустила на стул, что стоял рядом. В растерянности уставилась на молчавшего мужа.

— Мы сможем встретиться с вами сегодня? — повторно задал свой вопрос адвокат.

Я бездумно кивнула, потом поняла, что он меня не видит, нервно кашлянула, и проговорила:

— Да, я не занята. Куда мне подъехать и во сколько?

Вот так вот. Проснешься поутру, а окажется, что еще месяц назад у тебя дед был, и теперь ты наследница.

Только интересно, наследница чего.

— Дина.

Я моргнула, поняла, что так и сижу с телефоном в руке, сосредоточившись на своих мыслях. Перевела взгляд на Максима.

— Кто звонил? Что от тебя хотели?

— Представляешь, — проговорила я, всё ещё пребывая в задумчивости, — дедушка умер и оставил мне наследство.

— Какой дедушка?

— Мой. То есть, отец мамы. — Я руками развела. — Я, честно, считала, что они с бабушкой давно умерли, иначе обязательно бы с ним встретились. — Я, на самом деле, почувствовала вину. Как же так, дедушка был настолько престарелым человеком, а я ничего не знала, и ни разу его не навестила. — Папа не любил говорить о них, — будто в оправдание проговорила я негромко. Вздохнула. — Как-то всё это неправильно.

Максим не ел. Крутил в руках вилку, выглядел напряженным. Поглядывал на меня исподлобья.

— И что он тебе оставил? — поинтересовался он глухо.

— Понятия не имею. Что может завещать пожилой человек? Может быть, какое-нибудь своё жилье. Адвокат сказал, что я его единственная родственница. Максим, это как-то неправильно, что мы с ним не встретились!..

Я ждала, что муж скажет что-то вроде: «Ты не виновата, не переживай», но Максим по-прежнему молчал. Думал о чем-то.

— Мы с тобой говорили о вчерашнем, — решила я аккуратно ему напомнить. — Давай поговорим.

Максим вдруг положил вилку и резко поднялся из-за стола.

— Не хочется, если честно. Да и на работу нужно.

— Максим, сегодня же суббота.

— И что? Моих дел это не отменяет. У меня их много, знаешь ли. Я занят все дни недели, с утра до вечера, если ты не заметила.

Тон мужа был обвиняющим, он всё ещё злился на меня. На душе снова заскребли кошки. Я только спросила:

— Ты вернешься к обеду?

— Понятия не имею, — услышала я равнодушный ответ.

На некоторое время я позабыла о недавнем звонке. Куда больше переживала из-за того, что Максим даже не взглянул на меня, уходя, не попрощался, как делал обычно. И даже из дома вышел, хлопнув дверью. Он всеми силами показывал мне степень моей вины, и я поневоле начинала ею проникаться. Я, в принципе, не жаловала конфликтные ситуации, всегда их старалась избегать, а когда не получалось, начинала переживать. Принималась крутить в голове сказанные слова, совершенные поступки, и почему-то никогда не находила оправданий для себя. Мне всегда казалось, что я могла бы поступить умнее, мудрее, где-то промолчать, где-то быть корректнее. А уж после ссоры с мужем я переживала вдвойне сильнее и острее.

С господином Остовичем мы договорились встретиться в офисе адвокатской конторы. Между прочим, его адвокатской конторы, которая имела довольно крупный филиал в нашем городе. Даже звучит солидно, не правда ли? Пока я добиралась на такси до центра города, я набрала в поисковике его имя и название юридической фирмы, и была немало удивлена. В том плане, как мой дедушка мог с ними связаться. Насколько знаю, родители моей мамы, да и она сама, родом из небольшого городка Краснодарского края, и папа никогда не упоминал, что они имели какой-то чрезмерный финансовый достаток. А тут оказывается, что завещание дед составлял, воспользовавшись помощью владельца московской адвокатской конторы. Фирма была московская, имеющая филиалы в четырех крупных городах центрального региона России. Первый из филиалов открылся как раз в Нижнем Новгороде. Эта информация была прописана в его короткой биографии на сайте адвокатской коллегии.

Да, я даже там его нашла. Как говорит Максим: я жуткая перестраховщица.

Фотография Германа Леонидовича там тоже была, брутального вида брюнет с хищным взглядом и без тени улыбки на лице. По крайней мере, так он выглядел на снимке. А вот когда встретил меня в коридоре, улыбнулся, и, если честно, мне от его улыбки стало немного не по себе. Вообще, встреча с господином Остовичем произвела на меня впечатление.

Выйдя из лифта на пятом этаже офисного здания, в котором располагалась адвокатская контора с его именем (если честно, на вывеске значилось не только его фамилия, но и ещё двух человек, но он, как я понимаю, был одним из владельцев, а это очень-очень солидно, кто бы спорил), меня встретила миловидная девушка-секретарь. Хрупкая, улыбчивая, в идеальном деловом костюме, правда, юбка для делового стиля была несколько коротковата, девушка мне заулыбалась и предложила меня проводить до кабинета.

— Герман Леонидович вас ожидает, — сообщила она медоточивым голосом, и тут же направилась по коридору, предлагая тем самым отправиться мне следом.

А у двойных дверей в кабинет нас и встретил Остович. Лично вышел мне навстречу. И улыбнулся той самой улыбкой, приветливой и коварной одновременно. По крайней мере, Герман Леонидович при первой встрече показался мне очень коварным типом. А ещё ослепительным. Не в смысле красоты или привлекательности. Он поразил меня, во-первых, своим ростом, во-вторых, невероятной уверенностью в себе, в—третьих, надменно-насмешливым взглядом,

ну и, в-четвертых, конечно же, шикарным костюмом. Такому костюму не нужны ценники, он сам по себе определяет стоимость, которую его владелец в состоянии за него заплатить.

Я поневоле притормозила немного, когда увидела Остовича, поджидающего меня. Фотографию его в интернете я увидела недавно, но она не передавала и десятой доли того впечатления, которое Герман Леонидович способен производить на людей.

— Дина Петровна, приятно познакомиться лично. — Мне протянули сильную ладонь для рукопожатия. Кажется, ему, на самом деле, приятно, судя по улыбке. Уверена, что Герман Леонидович, соответствуя своей профессии, отлично умеет улыбаться, как барракуда. Но мне досталась совсем другая улыбка, вполне себе человеческая.

— И мне приятно, — проговорила я негромко. Позволила пожать свою руку.

— Пройдемте в кабинет. Олечка, принеси нам кофе.

— Чай, пожалуйста, — попросила я.

Остович продолжал улыбаться.

— Дине Петровне чай.

Секретарша вышла из кабинета, оставив нас наедине, а я неловко оглянулась. Кабинет производил приятное впечатление, оформление и стиль явно дизайнерские.

— Вы присаживайтесь, Дина Петровна.

— Вы можете обращаться ко мне просто по имени? — Я поневоле вздохнула. — С именем мне не повезло.

— Скажем так, это весьма оригинальный выбор ваших родителей.

Я на Остовича посмотрела, не до конца понимая, пошутить он пытается или всерьез говорит.

— Мама выбрала для меня это имя.

— Об этом я знаю. Но если оно вам так не нравится, почему вы его не меняете?

— Я об этом думала, но папа был против. Он очень любил маму, знаете ли, старался сохранить о ней любые воспоминания. Моё имя — одно из них.

— Понятно. Присаживайтесь, Дина, — повторил он.

Я села в кресло у низкого столика. К рабочему столу меня, кстати, не пригласили. А тут секретарь подоспела с подносом, передо мной поставили чашку с чаем и вазочку с конфетами. Я нервничала, поэтому тут же взяла конфету. А сама бросала короткие взгляды на господина Остовича. Надо сказать, что он произвел на меня своим видом неизгладимое впечатление. Мой муж, например, всегда казался мне очень приятным мужчиной, на которого приятно посмотреть, на которого обращаешь внимание, в которого влюбиться можно, в конце концов, с первого взгляда, а вот Герман Леонидович... В него с первого взгляда не влюбишься, с первого взгляда — потеряешь дар речи. Один только рост впечатляет. Думаю, что под метр девяносто, добавьте к этому подтянутую фигуру, вызывающий взгляд темных глаз, и умение носить дорогие костюмы. Есть от чего обалдеть. А я девушка впечатлительная, неискушенная, и я обалдела. Поэтому боялась встретиться с Германом Леонидовичем взглядом, была уверена, что тут же перепугаюсь, покраснею, и этим столичного адвоката посмешу. Хотя, ему, наверное, не привыкать к ошалелым женским взглядам.

Герман Леонидович тем временем подошел к рабочему столу, взял с него белый конверт.

— Он предназначен вам, — сказал Остович, подходя и присаживаясь в кресло напротив меня. Протянул мне конверт.

— Это завешание?

— Нет. Это оставил вам дед. Что-то личное, он запечатан.

Конверт я приняла, потарасилась на него. Затем кивнула.

— Спасибо.

— Вы, правда, не знали, что он жив?

Я качнула головой.

— Нет. То есть... Я об этом не думала. — Я всё-таки посмотрела на Германа Леонидовича, и решила пояснить. — Меня воспитывал отец, он был человеком... достаточно замкнутым, много говорить не любил. Он даже про маму говорил нечасто. Ему было тяжело... я думаю.

— Когда не стало вашей мамы? Вы ведь были совсем маленькой.

— Не такой уж маленькой. Мне исполнилось семь. Но я не очень хорошо её помню. К сожалению. А бабушку с дедушкой ещё хуже. — От нервозности я взяла ещё одну конфету. — После нашего с отцом переезда, он практически перестал о них говорить. — Я несчастно вздохнула. — Не знаю, почему я решила, что их нет в живых.

— Вашей бабушки, на самом деле, нет давно, она скончалась десять лет назад. Вы ведь знаете, что ваша мама была единственным ребенком у своих родителей?

— Думаю, знаю. По крайней мере, я не удивлена. — Я на Остовича посмотрела. — И что же, дедушка все эти год жил один?

— Ваш дедушка не бывал один, таким уж он был человеком.

— Вы были с ним знакомы?

— Да, представьте себе. Мы с Семеном Даниловичем были знакомы около десяти лет. Он был интересным человеком, странным, но интересным. С ним было легко вести беседу.

Я смотрела на Германа Леонидовича в смутении. Вот этот человек, сидящий напротив меня, знал моего дедушку, вел с ним беседы, возможно, совсем недавно. А я о нём даже не думала.

— Вы ничего о нем не знаете, да, Дина?

Я лишь коротко качнула головой.

— А то, что вы очень похожи на свою маму, вы знаете?

Вот тут я напряглась.

— Вы и с ней были знакомы?

— Нет, что вы. Просто у Семена Даниловича в гостиной висит её портрет. Его как будто с вас писали.

Портрет, гостиная... И я, похожая, оказывается, на маму...

— У меня есть пара черно-белых фотографий, — сказала я. — Никогда не замечала, что я на неё похожа.

— Видимо, это неудачные фотографии.

— Может быть, — пробормотала я. Снова посмотрела на белый конверт, что лежал на углу стола. Взяла его в руки. — Вы это хотели мне передать?

— Что?

— Вы хотели передать мне конверт, письмо от дедушки? — подсказала я.

— Вы думаете, что это наследство?

Я неопределенно дернула плечом.

— Мне куда обиднее, что всё случилось так поздно, и что я с ним не встретила.

— Ну, думаю, вам не стоит себя сильно казнить. Семен Данилович, при желании, сам искал бы с вами встречи. Но он больше жил прошлым, Дина. Своим любимым делом и прошлым, в котором ещё жива его дочь. Наверное, встреча с вами стала бы для него слишком большим стрессом. По крайней мере, мне он никогда о таком желании не говорил. А ведь мы последние семь лет с ним часто общались по его делам.

— Его делам? И что за дела были у моего восьмидесятилетнего дедушки?

— Дина, ваш дед последние тридцать лет выращивал виноград. Вы не помните, ничего не знаете об этом?

— Виноград?

— У вашей семьи в собственности три гектара земли, на котором разбиты сортовые виноградники. Замечательные места, уникальный климат, элитные сорта винограда. Даже неболь-

шая винодельня — главная страсть Семена Даниловича. Именно это он вам в наследство и оставил.

— Виноградники? В смысле, там, где растет виноград, и из него потом делают вино?

— Именно так.

Я молчала. Рука сама собой потянулась за третьей шоколадной конфетой. Если так пойдет и дальше, я от всех этих нервов здорово растолстею.

— Это семейное дело, Дина.

— У моей семьи уже есть дело, — проговорила я в растерянности.

— Да, я когда собирал о вас информацию, искал вас, к своему удивлению узнал, что вы дочь того самого Петра Огурцова.

— Папа погиб четыре года назад.

— Да, я знаю. Примите соболезнования.

— Если бы я тогда знала, что дедушка жив... — Я вздохнула. — Теперь я точно одна. Вряд ли ещё кто-то из родственников у меня найдется. Это было бы на грани фантастики, правда?

Герман Леонидович подарил мне сожалеющую улыбку.

— Больше никого нет, Дина.

Я печально кивнула.

— Да...

— Знаете, обычно, когда людям неожиданно-негаданно достается наследство, да ещё такое, они радуются. А вы печалитесь.

— Я из-за дедушки.

— Я понял. Дина, а кто занимается финансами вашего отца?

— Вы имеете в виду, компанией? — Остович кивнул. — Мой муж. Он работал с отцом несколько лет до его гибели. После папиной смерти Максим занял его место.

— И что, справляется?

Вопрос показался мне странным.

— Вполне, — проговорила я несколько сухо. Герман Леонидович полез не на свою территорию.

— Я спрашиваю, чтобы иметь полную картину, — как бы пояснил Остович.

А я решила выяснить.

— Полную картину чего?

— Вашей жизни, — совершенно спокойно объяснил он. — Если вам нужна помощь, Дина, если какие-то проблемы, я готов вам помочь. По мере возможностей.

— У меня нет проблем, — заверила я его. И решила перевести тему. — Вы так и не сказали, Герман Леонидович, как вы познакомились с моим дедом.

— Все очень просто. Мои родители купили дом в тех краях около десяти лет назад. Сначала познакомились они, а затем уже и я. Они до сих пор живут там, так что...

— Что?

Мой короткий вопрос вышел немного резким. Мы с Германом Леонидовичем встретились взглядами, и он медленно проговорил:

— Если вы захотите поехать, посмотреть на своё наследство, думаю, познакомитесь с моими родителями. Они с удовольствием встретят вас, покажут окрестности.

Я медленно кивнула, улыбнулась чуть виновато.

— Простите. Все это настолько неожиданно.

— Дина, съездите на виноградники. Там очень красиво. К тому же, ваша мама из тех мест.

— Насколько знаю, нет. До окончания мамой школы, они всей семьей жили в большом поселке на берегу моря. Думаю, виноградники дедушка купил позднее, после ее смерти.

— Может быть, не буду спорить.

— Эту часть истории семьи я немного знаю. Но все равно... Спасибо вам, Герман Леонидович. За беспокойство. Мне очень приятно было с вами встретиться.

— Нам придётся встретиться еще не раз, Дина. Для подписания бумаг, чтобы закончить все дела и формальности.

— Вы специально приехали из Москвы, ради меня?

Он улыбнулся.

— В основном. Но и еще дела найдутся, не переживайте. Не так часто я приезжаю в этот город. Я попрошу секретаря согласовать с вами время следующей встречи.

— Да, спасибо.

Я поняла, что встреча наша закончена, и поднялась. Теперь уже сама протянула Остовичу руку. А он вдруг взял, и вместо того, чтобы пожать ее, наклонился и руку мне поцеловал. Выглядело это едва ли не по-рыцарски. И, признаться, мне до этого никто руку не целовал, так уж вышло.

— Мне было очень любопытно с вами познакомиться, Дина, — пояснил Герман Леонидович, улыбувшись. — Мне очень нравился ваш дедушка. И почему-то мне кажется, что он не прогадал.

— В каком смысле?

— Он очень дорожил виноградниками. И мне почему-то кажется, что вы их не продадите.

Я удивилась.

— Почему вы так считаете?

— Потому что вы в них влюбитесь.

От Остовича я вышла в странном состоянии, с ощущением нереальности случившегося и сумбура в голове. А еще с небольшой горечью внутри, от осознания того, что так глупо упустила шанс познакомиться с близким человеком. Просто от незнания.

Домой я вернулась так же на такси. Открыв калитку магнитным ключом и оказавшись на территории, первое, что я увидела — это спортивная тачка, которая повергла меня одним своим видом в транс прошедшей ночью. И вот она стоит перед моим домом, красная и прекрасная. Я неспешно приблизилась, разглядывая автомобиль, зачем-то обошла его по кругу. Интересно, его ещё можно сдать обратно в магазин? Или откуда его взяли?

— Дина! Наконец-то ты вернулась!

Вот кого я сегодня точно не хотела видеть, так это свекровь, а она тут, как тут. А я ведь в гости никого не приглашала.

Я повернулась, направилась к крыльцу. Пришлось нацепить на лицо подобие приветливой улыбки.

— Добрый день, Ольга Борисовна. Какими судьбами?

Свекровь стояла на крыльце, и я, как и вчера, обратила внимание на то, как она похудела за последний месяц. Бесконечное похудение и здоровый образ жизни в последние лет пять стали для неё идеей фикс. Помню, во времена нашего с ней знакомства, Ольга Борисовна имела килограмм пятнадцать лишнего, как ей показалось, веса. Поначалу она страдала и жаловалась по этому поводу, но никто её причитания всерьёз не принимал. А потом вдруг взяла и занялась собой. Своим здоровьем и будущим долголетием, как она сама любит говорить. И надо отдать свекрови должное, ей это удалось в полной мере. Теперь Ольге Борисовне самой под силу организовывать марафоны по кардинальной смене образа жизни. За последние пять лет свекровь и похудела, и стала рьяным приверженцем посещения спортзала, и полностью сменила имидж. Похорошела и помолодела, приходится признавать её заслуги. Я бы и признавала, если бы она меня не принялась наставлять и третировать. Мол, живу неправильно, питаюсь неправильно, при моих возможностях и наличии свободного времени, могла бы хотя бы на йогу записаться. Оздоровиться, проникнуться, съездить вдохновиться на Бали. Конечно, компанию мне должна

была составить любимая свекровь, но ей не повезло, я не вдохновилась. Ни йогой, ни самой идеей, ни дружбой с матерью мужа. Просто отмалчивалась на все её речи и отказывалась от привлекательных предложений. И в какой-то момент, Ольга Борисовна, судя по всему, поставила на мне крест, и с тех пор посматривала на меня свысока и с оттенком жалости и скуки. Это было неприятно, но терпимо, к тому же, я старалась лишний раз со свекровью не пересекаться. Но временами она сама принималась искать со мной встречи, вот как сегодня.

Но просто так, без повода, ни она, ни Марк к нам с Максимом не приезжали, значит, что-то нужно.

Я поднималась по ступеням крыльца, а Ольга Борисовна поглядывала на меня сверху взглядом королевы, к которой чернь на поклон идет.

— Что значит, какими судьбами, Дина? В гости приехала. Сегодня суббота, между прочим.

— Это какой-то особенный день?

Я, наконец, поднялась, и теперь мы со свекровью, по крайней мере, могли смотреть друг другу в глаза, на равных. Ольга Борисовна, кстати, стояла передо мной в стойке «выгодного селфи», уперев одну руку в бок и высоко вскинув подбородок. Мне почему-то казалось, что она всегда, оказываясь рядом со мной, старалась доказать, самой себе, наверное, что она со мной одного возраста. Максимум на что была согласна — на звание старшей сестры, а никак не свекрови. Это было немножко смешно, немножко заставляло её пожалеть, но я, конечно же, никогда ей на это не указывала.

Только ждала, когда мама мужа покинет мой дом.

— У Марка вчера был день рождения, неплохо было бы устроить семейный обед.

Я мило улыбнулась, а сама прошла мимо неё в дом. Ольге Борисовне пришлось поспешить за мной.

— Максим мне ничего не передавал, — ответила я ей. — По поводу семейного обеда.

Я как раз зашла в гостиную, и увидела развалившегося на диване Марка. Он, в самом деле, развалился на диване, устроив свои длинные ноги в уличных ботинках на мягком подлокотнике.

— Дина, привет! — радостно и нараспев протянул он. Я про себя вздохнула. Что ему не радоваться? Ему ночью машину за четыре миллиона подарили. Я бы на его месте тоже радовалась. Моя жизнь была бы полна радости.

Наверное.

— Привет, — отозвалась я, и тут же попросила: — Убери ноги с дивана.

Ноги Марк убрал, и даже принял сидячее положение, но как-то лениво и нехотя.

— Мальчик не выспался, — пояснила мне свекровь, следующая за мной по пятам. — Решил прилечь.

— Для этого нужно снять ботинки, — всё же не удержалась я от замечания.

Ольга Борисовна сокрушенно вздохнула где-то совсем рядом со мной.

— Не о том ты думаешь всё время, Дина, не о том.

— А обедать мы будем? — заинтересовался Марк. — Мы для чего сюда приехали, мам?

Вчера Марку исполнилось тридцать лет. Выглядел он хорошо, броско, с залихватской улыбкой. Поддерживал материнское хобби на здоровый образ жизни и любовь к спорту. А ещё Марк очень любил заботу, поддержку, преклонение перед всеми его достоинствами противоположного пола, а самое главное, отсутствие финансовых проблем. Вот только последний пункт с наличием у него работы и обязанностей, он почему-то никак не связывал. Это шло отдельной статьёй, как бы со стороны. Со стороны меня и его брата. Это раздражало.

Правда, временами, когда я особенно злилась и выходила из себя из-за инфантильности деверя, я себе напоминала, что тоже не слишком занята в этой жизни, и так же завишу от стараний Максима. Так разве имею право кого-то обвинять в том же?

— Мы приехали побыть семьей, — примиряющим и воодушевленным тоном проговорила Ольга Борисовна, кинув на меня особенный взгляд. — Но, кажется, Марик, нам не очень рады.

Стало стыдно. Пришлось выкручиваться.

— Ольга Борисовна, вы же знаете, что это не так. Мы с Максимом всегда вам рады. Просто... вышло недоразумение. Максим, видимо, забыл меня предупредить.

— Он забыл тебя предупредить, и поэтому обед не будет? — снова подал голос Марк.

— Будет обед. Но придется немного подождать. А я пока попробую позвонить Максиму...

— Дина, зачем пробовать ему звонить? — удивилась свекровь. — Я уже давно позвонила сыну, он скоро придет. И вся наша семья соберется за одним столом. — Следом мне достался многозначительный взгляд: — Только я тебя прошу, давай обойдемся без твоих привычных высококалорийных блюд. Ты же знаешь, мы с Мариком предпочитаем что-то полегче.

Я стояла с приклеенной к губам улыбкой и слушала свекровь, а та с воодушевлением продолжила:

— Жаль, что ни ты, ни Максим ко мне не прислушиваетесь. Вам нужно начинать питаться по-другому. Дина, ты не думала, что из-за неправильного образа жизни ты никак не можешь забеременеть? Ты у врача была, анализы сдавала?

Я до боли сжала зубы, и поспешила на кухню. Уж лучше стоять у плиты, чем всё это выслушивать. Почему мой муж, который делится со своей матерью, казалось бы, всем на свете, не поделится с ней информацией о том, что именно он не хочет появления ребенка в семье? Все откладывает и откладывает. Для меня это достаточно болезненный вопрос, неприятный, который я не хочу обсуждать ни с кем, тем более, со свекровью, а Ольга Борисовна даже не задумывается, когда делает мне подобные замечания. Уже не в первый раз, между прочим.

Я не относилась к гостям в доме так категорично, как когда-то мой отец. Мой отец был откровенным интровертом, может быть, стал им с возрастом, не знаю, но за пределами офиса и своего бизнеса, общения с людьми избегал. Но у него было несколько старых приятелей, с которыми он и ездил на охоту в отдаленные и глухие места, порой на целую неделю, и этого общения с людьми ему хватало. Я такой домоседкой и затворницей, как отец, слава богу, не была, к людям и гостям в доме относилась лояльно, даже считала себя гостеприимной хозяйкой. Но именно свекровь и брата мужа, их присутствие в доме мне было переносить очень трудно. С их появлением, я сразу переставала чувствовать себя хозяйкой. Как бы сама собой превращалась в «принеси-подай-приготовь», а эти двое перемещались по моему дому, как хотели, и делали, что хотели. Что-то трогали, что-то передвигали не на свои места, комментировали, лезли с советами, а ещё критиковали. А я почему-то не могла дать им отпор, стеснялась мужа, переживала о том, что он обо мне подумает, и я молчала. Лишь ждала, когда эти двое уедут. А теперь ещё и средство их передвижения меня жутко раздражало. Стояло перед домом, я прекрасно видела автомобиль из кухонного окна, и кипела изнутри.

— Вы слишком рано вчера ушли, — принялась выговаривать мне Ольга Борисовна, появившись через некоторое время на кухне. Помогать готовить мне обед она не собиралась, только присела у окна и принялась действовать мне на нервы. — Даже торт не дождалась, и огненного шоу тоже.

Ещё и огненное шоу было! Я зажмурилась от внутреннего раздражения.

— Я себя плохо почувствовала, — ответила я.

Свекровь тут же вскинула руку и ткнула в меня костлявым от бесконечного похудения пальцем.

— А всё почему? Потому что ты совершенно не заботишься о своем здоровье, Дина. Тебе всего тридцать два!.. То есть, уже тридцать два, — её палец устремился в потолок. — Пора задуматься!

Я выдохнула.

— Задумаюсь... непременно.

— Неужели тебе самой не хочется быть красивой и здоровой женщиной?

Я глянула на Ольгу Борисовну через плечо.

— Я красивая и здоровая, — с нажимом проговорила я, надеясь, что она от меня отстанет.

— К сожалению, оцениваем мы себя не объективно, — вздохнула свекровь напоказ. И, наверное, к моему счастью, радостно проговорила: — Максим приехал! Наконец-то.

Вспорхнула со стула и поспешила встречать старшего сына, а я остановилась ненадолго, стараясь справиться с накрывшим меня раздражением. Я всегда была не в восторге от визитов свекрови и деверя, честно скажу, но такого острого недовольства в себе не помню. Сегодня мне очень трудно было выслушивать наставления Ольги Борисовны, и именно сегодня они мне отчего-то казались особенно несправедливыми. Да и Марк, что ведет себя, как дома. Вот только он не дома, а указать ему на это было бы неприемлемой наглостью с моей стороны. Это послужило бы поводом для очередного скандала. А терпеть напряженную обстановку дома, когда Максим злился, не желал со мной разговаривать, было очень трудно. Поэтому легче было промолчать или пойти на уступки. Обычно я так и поступала.

Ольга Борисовна даже не подумала помочь мне с приготовлением обеда. А у меня сегодня в руках ничего не спорилось и не горело. Испортившееся настроение и печальные мысли выбили из колеи, и я провозилась на кухне непривычно долго. Максим даже пару раз заглянул ко мне, поинтересоваться, долго ли еще ждать обеда. Между прочим, муж не зашел ко мне, когда вернулся домой. Не зашел, не поцеловал, даже не поставил меня в известность о своем возвращении своей привычной фразой от входной двери. Он устроился в гостиной с мамой и братом, и они там о чем-то весело переговаривались. А я готовила для них обед, хотя, совсем не хотела этого делать.

— Дина, я жутко голодный. — Максим уже дважды заглянул на кухню, и с каждым разом голос его становился всё более недовольным. — Почему так долго?

— Потому что здесь не ресторан, Максим, — не выдержала я. — А я не шеф-повар на вашей личной кухне!

Муж остановился, смотрел на меня непонимающе.

— Что с тобой?

Я свалила в большую салатницу последние овощи, отложила нож и сняла фартук.

— Я устала, — проговорила я с нажимом. — Я устала, у меня нет настроения, а ты даже не удосужился предупредить меня о визите своих родственников. Которым ещё и обед понадобился, семейный!

— У Марка день рождения.

— Я устала слышать про день рождения Марка. — Я выдохнула, пытаюсь успокоиться. На мужа посмотрела. — Я думала, что мы сегодня с тобой поговорим.

— Поговорим? О чем?

— Ты знаешь, о чем, Максим, — многозначительно проговорила я, не спуская глаз с его лица. — А вместо этого твоя мама придумала семейный обед.

— Семья, по-твоему, это плохо? — Максим явно пытался увести меня от неприятной для него темы. — Мама хотела, как лучше.

— А твоя мама в курсе, почему мы вчера уехали раньше с праздника? — заинтересовалась я.

— Нет. Зачем?

Я только руками развела.

— Действительно. Зачем?

Максим в досаде поморщился, а меня попросил:

— Дина, давай перестанем ссориться. Вся семья в сборе, дома. Неужели так трудно провести мирно один день?

Его упрек был несправедливым. Я знала это, отлично понимала, но снова заставила себя промолчать.

Наконец, все собрались за столом. Максим, видимо, осознав, что я крайне недовольна, даже помог мне накрыть на стол. Обычно от него таких подвигов не дождешься, а тут вместе с мамой тарелки расставлял. Но, в итоге, преподнесли это, как неоценимую помощь мне.

За столом в легком, приподнятом настроении пребывал только Марк. Его, вообще, никогда и ничего не расстраивало. Марк смеялся, вспоминал вчерашний праздник, благодарил маму и брата за такую отличную организацию, а ещё, конечно, за полученный подарок. За такой небывалый сюрприз. Я молчала, слушала, наблюдала, и для себя отметила, что Ольга Борисовна от похвалы младшего сына не тает, а на меня искоса поглядывает. Судя по всему, Максим успел рассказать матери о нашем с ним огромном недопонимании из-за неуместно дорогостоящего преподношения. И, наверное, чтобы сменить тему, Ольга Борисовна решила у меня поинтересоваться:

— Дина, Максим сказал, что у тебя дедушка скончался? Какая жалость.

Я кивнула.

— Да, очень большая.

— Ты из-за этого так расстроилась? — Это муж.

Я на него посмотрела, скрывать не стала:

— И из-за этого тоже.

— Ты же его совсем не знала.

— Этот факт меня особенно расстраивает, Ольга Борисовна, не представляете как. Странно думать, что ещё месяц назад близкий человек был жив, а мы с ним так и не встретились.

— Какой смысл был с ним встречаться? — удивился Марк. — Ты же его не знала, о чем бы ты с ним говорила?

— Уверена, что нашла бы тему.

— Ты говорила о наследстве. Что он тебе завещал? — Максим с аппетитом ел жаркое. Глянул на меня и улыбнулся. — Сберегательный счет?

— Про сберегательные счета я ничего не знаю. Возможно. У дедушки были виноградники в Краснодарском крае. Вот их он мне и завещал.

Я смотрела в свою тарелку без всякого интереса, а за столом повисло молчание. Родственники, кажется, переглянулись.

— Виноградники? — переспросил Максим.

— Три гектара, засаженные сортовым виноградом. Кажется, у него даже своя небольшая винодельня есть.

Ольга Борисовна буквально ела меня глазами. Я на нее посмотрела, и у меня мурашки побежали по спине, как говорят, размером с кошку. Ощущение очень неприятное. Секунда, две, на губах свекрови появилась улыбка, больше смахивающая на кривую усмешку.

— Что ж, деньги к деньгам. — Её замечание прозвучало неуместно, но, видимо, так показалось только мне. Потому что её сыновья лишь переглянулись между собой. А потом Максим вдруг протянул ко мне руку, накрыл ею мою ладонь.

— Не переживай. Я сам всем займусь. Не думай ни о чем.

Я растянула губы в улыбке. Думаю, моя улыбка, как и улыбка свекрови, не поддавалась никакой критике. Но в этот день мы все так друг другу улыбались, притворно.

Настоящая семья у меня. О такой всю жизнь и мечтала.

ГЛАВА 4

Разговор, серьёзный, тот самый, у нас с мужем так и не случился. Не скажу, что я была морально к нему готова, но ситуация с машиной здорово меня вывела из равновесия, мне очень хотелось её обсудить, но как начать разговор и какие аргументы привести, я так и не придумала. Да и возможности, если честно, не представилось. Я даже начала подозревать, что Максим намерено меня избегает, не желая обсуждать свой поступок и решения в отношении младшего брата. После семейного обеда в субботу, он вызвался отвезти маму домой, так как Марку необходимо было уехать по делам.

Я невольно возмущилась, вот только, как всегда мысленно. Знаю я его дела! Машиной новой хвастаться поехал!

Негодование разрывало меня изнутри, но я до самого конца, провожая дорогих родственников за порог, продолжала улыбаться. И молчала, за что себя почти ненавидела. Ну, почему я такая трусиха?

Максим увез Ольгу Борисовну, а вернулся только вечером, довольно поздно, и сразу объявил, что отправляется спать. Он устал. Я смотрела мужу в спину, с недовольством, но смелости остановить его, в открытую пойти на конфликт, в себе опять же не нашла. Решила подождать до утра. А за завтраком Максим напомнил мне, что уезжает на несколько дней в срочную командировку.

— Нужно проинспектировать новый гипермаркет в Ярославле. Полгода назад открылись, но показатели мне не очень нравятся.

— Максим, мы же хотели сесть с тобой и поговорить. Сегодня воскресенье, я думала, что мы проведем сегодняшний день вместе. — Я чувствовала себя расстроенной, и понимала, что на мужа смотрю с претензией.

— Дина, пожалуйста, — начал он, и взглянул на меня весьма красноречиво. — Ты же знаешь, что я не от большого удовольствия в свой выходной еду за тридевять земель. Это не только мне надо, это не моё удовольствие. Это бизнес. Твой, между прочим.

Я вздохнула, присела за стол напротив мужа. Наблюдала за тем, как тот ест омлет. Я молчала, не зная, что ему сказать, как до него донести свои переживания, а Максим вдруг посмотрел на меня и сказал:

— Дай мне номер телефона адвоката.

— Какого адвоката?

— К которому ты вчера ходила. Насчет наследства. Мне нужно будет с ним встретиться, по возвращении.

Я нахмурилась.

— Зачем?

— Как зачем? Чтобы решить все вопросы. Чтобы наши юристы занялись наследством, а не посторонний человек.

— Он не посторонний, — возразила я. — Он был хорошо знаком с дедушкой. Тот попросил именно Германа Леонидовича заниматься наследным делом.

— Ну, дед попросил, а нам удобнее приобщить к этому своих юристов.

— Это ни к чему, — сказала я после короткой паузы. — Пусть наследством занимается Герман Леонидович.

— Почему? — Максим, кажется, напрягся.

— Потому что так хотел дедушка, — заупрямилась я. — Это его воля.

— Дина, — начал Максим в легком возмущении, а я резко поднялась из-за стола.

— Пусть этим занимается Герман Леонидович, — настойчиво проговорила я. Не удержалась и продолжила: — А ты занимайся своими важными делами. У тебя же их очень много. Не нужно перетруждаться.

— Ты на меня злишься? Но как-то глупо пытаться мстить мне, не думая о своих же интересах.

— Дело не в моей злости, Максим. А в том, что тебе даже некогда со мной об этом поговорить. — Я к мужу повернулась и неожиданно предложила: — Возьми меня с собой.

Максим даже жевать перестал, уставился на меня.

— Куда?

— В Ярославль. А что такого? Пусть рабочая поездка превратится в поездку семейную. Мы давно нигде не были вдвоем.

Муж явно не был рад такой перспективе. Смотрел на меня в молчании и, видимо, воображал, что мне можно ответить на такое предложение.

— Дина, я буду очень занят.

— Ты не хочешь?

— Да причем здесь это?!

— Максим, ты слишком нервничаешь. А я не вижу никакого повода для этого. По-моему, это совершенно банальная просьба. Я лишь хочу проводить с тобой больше времени, ты ведь мой муж.

— Ты какая-то странная в последнее время, — пожаловался вдруг супруг. Отставил от себя тарелку и из-за стола поднялся.

— Я странная? — Это, на самом деле, было удивительное замечание. На мой взгляд, ничего странного я не делала. Занималась домом, заботилась о муже, думала о семье. Терпела. Терпела бесконечную работу Максима, неожиданные командировки, его усталость. И уговаривала себя тем, что муж старается для нас, для нашей семьи. Но порой моё терпение заканчивалось, и становилось очень грустно и печально. Особенно из-за того, что Максим не понимал, из-за чего я переживаю, и считал, что я банально себя накручиваю. И всерьез не принимал, когда я пыталась с ним поговорить.

Я стояла, привалившись спиной к кухонному острову, а Максим буквально выбежал из кухни. Я проводила его взглядом, в досаде кинула на стол полотенце, которое держала в руках.

Максим вернулся через несколько минут. Уже не выглядел раздосадованным, на меня взглянул сдержанно.

— Дина, — начал он, хорошо поставленным голосом. — Я не отказываюсь поехать куда-то с тобой. Просто ты любишь такие спонтанные просьбы, и не понимаешь, что мне там совершенно некогда будет гулять с тобой по городу, претворяя в жизнь твои мечты о свадебном путешествии. Давай запланируем какую-нибудь поездку. Позвони моему секретарю и обговори возможные даты.

— Позвонить твоему секретарю? Максим, ты себя слышишь?

— Прекрасно слышу! — снова повысил он голос. На эмоциях развел руками. — Что я могу сделать с тем, что у меня настолько много работы и такая занятость? — И снова я услышала то, что слышала всегда: — Я же стараюсь для нас!

С этим аргументом было невозможно спорить, и он это прекрасно знал. Поэтому я промолчала, смотрела куда-то в сторону, потому что смотреть на мужа не могла, боялась, что заплачусь. От обиды и невнимания. Хотелось чего-то другого, хотелось, наверное, как в книгах Серафимы, любви и страсти.

Что такое страсть, я не знала.

Максим наблюдал за мной немного угрюмо, затем вздохнул, видимо, расстроенный моим капризным настроением. Сделал ко мне несколько шагов, приблизился и поцеловал меня в лоб.

— Не грусти, — сказал он. — Я вернусь через пару дней. И мы с тобой подумаем об отпуске, хорошо?

Я согласно кивнула. Что я должна была ему сказать? Поругаться перед тем, как он сядет за руль и отправится в дальнюю дорогу?

Без Серафимы было плохо. Максим уехал, и я осталась совсем одна. Я очень любила свой дом, но в такие моменты он начинал казаться мне слишком большим и пустым. Да еще свекровь позвонила спустя пару часов, и окончательно испортила мне настроение.

— Не могу дозвониться до Максима, — начала деловито Ольга Борисовна.

— Он уехал в командировку на пару дней. Наверное, в дороге нет связи.

— В командировку? — Свекровь натуральным образом цокнула языком. — Он работает и работает, даже в выходные. Дина, ты считаешь это нормальным, так эксплуатировать его?

— Я не эксплуатирую, — зачем-то принялась оправдываться я, понимая, что вот-вот расплачусь. — Я не хотела, чтобы он ехал. Он сам...

— У него никакой помощи, — вновь посетовала Ольга Борисовна, ее тон звучал осуждающе, а потом Ольга Борисовна просто положила трубку.

Рыдать в одиночестве, в пустом большом доме, было не глупо. Нет. Было еще более одиноко и печально, чем, если бы я переживала где-то на людях. А тут одна, никто не поддержит, с тобой не поговорит, и чувствуешь себя совершенно ненужной и потерянной.

— И нечего грустить, — решительно заявила мне Серафима, когда я смогла до нее дозвониться. — Нашла из-за чего расстраиваться! Уехал, и пусть едет. Ты его осчастливить соби-
ралась, Дина?

Я только вздыхала, слушая мозгоправную речь подруги.

— Тебе есть, о чем думать, Дина. Ты представь, ты теперь владелица виноградников. Появился реальный шанс войти в историю, как «вдова Клико».

Я лишь фыркнула. Хотя бы слезы высохли. А потом услышала в трубке знакомый звук, который ни с чем не спутаешь. Машинально поинтересовалась:

— Сима, ты в аэропорту?

— Ну да, — легко отозвалась та. — Мой издатель уехал в Питер, какие-то у него там дела, важнее меня. И я решила на недельку слетать к океану. Себя надо любить, Дина, — закончила она поучительным тоном.

— Я запомню.

— Что ты запомнишь? Ты этой мыслью жить должна!

— Я попробую.

— Вот поехала бы со мной, сейчас бы уже в самолет загружалась, а ты сидишь за тридцать земель и слезы льешь. По своему никчемному мужу.

— Он не никчемный. Он трудоголик.

Серафима вздохнула в трубку.

— Как скажешь. Ладно, я иду на посадку. Пиши мне, пожалуйста, держи в курсе. Я буду на связи. Наверное...

Наверное...

Я даже не спросила, куда она летит. Подозреваю, что далеко-далеко. Все-таки стоит признать, что я подруге завидую. Ее смелости, ее свободе, ее возможности лететь туда, куда ей хочется. В одну минуту захотелось, и Серафима без сомнений полетит, покидав в открытый чемодан первое, что попало под руку. А мне никогда не хватает смелости жить полной жизнью, делать, что хочется. Этому меня папа, приходится признать, не научил.

Находиться одной вдруг стало невыносимо. В этот момент я бы отдала, казалось бы, все, лишь бы Максим неожиданно вернулся. И мы бы провели вместе воскресенье, как когда-то. Был такой период в наших отношениях, когда мы проводили вместе много времени. Были воскресные обеды, совместные прогулки, какие-то поездки, пусть и короткие. В наших с Макси-

мом отношениях никогда не было безумной страсти, каких-то эмоциональных встрясок, даже яркие воспоминания, кроме первого свидания и дня свадьбы, меня не посещали. Кто-то скажет, что это плохо, кто-то посчитает нашу семейную жизнь скучной, но мы с мужем, как я считаю, куда больше ценим стабильность и спокойствие, чем жизнь на любовном вулкане. Вот только последние годы стабильность стала уж очень стабильной, а спокойствие очень спокойным. Я начинала из-за этого переживать.

А что лучше всего справляется с переживаниями? Правильно. Что-то сладкое, калорийное, с сумасшедшим, неповторимым вкусом. Поэтому я вызвала такси, и поехала в город, в любимую кондитерскую в центре. В кондитерском зале было достаточно посетителей, за огромным витринным стеклом на улице куда-то спешили люди, у каждого из них были свои проблемы и печали, я не одна такая. И от понимания этого, что я не такая уж и неудачница, мне стало лучше. Я как-то легче, свободнее вздохнула, и хоть грусть не ушла, но я могла порадоваться за других. За парочки, которые сидели за соседними столиками, держались за руки, о чем-то шептались, улыбались друг другу. Я смотрела на них и думала о том, что любовь все-таки есть, это не пустые выдумки, не киношный сюжет. Нужно только в любовь верить. Кто верит, к тому она и приходит.

А кто забывает, отстраняется, запирается в четырех стенах и без конца грустит, того она стороной обходит. Вот и вся правда жизни.

— Здравствуйте, Дина.

Я очнулась от своих мыслей, отвела взгляд от уличной суеты, голову повернула и увидела рядом со своим столиком Германа Леонидовича. Вот уж неожиданная встреча. И выглядел душеприказчик моего деда несколько неожиданно. Никакого тебе строгого костюма, галстука, золотой булавки на нём. Герман Леонидович впечатлял меня яркой футболкой и банальными джинсами. А я вспомнила, что сегодня выходной, воскресенье. Надо же, оказывается, даже у крутых столичных адвокатов бывают выходные, они позволяют себе расслабиться.

Герман Леонидович держал в руке большой стакан с кофе и тарелку с круассанами. Я подумала, что необходимо улыбнуться и улыбнулась.

— Здравствуйте, Герман Леонидович. Неожиданная встреча.

— Неожиданная и приятная. Я присяду? Или вы ждете кого-то?

— Нет-нет, — заторопилась я с ответом. — Никого не жду, присаживайтесь.

Я в этот момент посмотрела на две пустые тарелочки из-под пирожных. Целых две! Стало немножко стыдно за своё обжорство. Вот у Германа Леонидовича, у такого высокого, сильного мужчины, тарелка только одна, и на ней два маленьких круассана.

Правда, не таких уж и маленьких, но он ещё взял и предложил:

— Угощайтесь.

Я на круассаны посмотрела, они выглядели очень аппетитно. Буквально манили к себе, призывали.

Я вздохнула.

— Спасибо, я уже съела больше, чем должна была.

Герман Леонидович посмотрел на мои пустые тарелки и улыбнулся. Легко так, понимающе, и совсем не осуждающе. А ещё сказал:

— Здесь сумасшедшие пирожные.

Я покаянно кивнула.

— Точно. Не могу никогда удержаться и съесть что-нибудь одно.

Остович откусил от одного из круассанов, и я видела, как он зажмурился от удовольствия.

— Вы тоже любите сладкое? — спросила я, затаив дыхание в ожидании его ответа.

— Обожаю. Мама у меня здорово печет. И пироги, и пирожные, и торты. Я с детства на сладком.

— По вам не скажешь, — чуть обиженно проговорила я.

Герман весело хмыкнул.

— Это наследственность. Отличный метаболизм. Притом, что я всегда голодный. — И тут же без перехода спросил: — Так что вы надумали, Дина?

— По поводу?

— По поводу наследства.

Я осторожно пожала плечами.

— А что я могла надумать? Как понимаю, в наследство вступать нужно только через несколько месяцев.

— Ну да. Я о том, чтобы съездить и на своё наследство посмотреть своими глазами. Уверяю, вы будете в восторге.

Я призадумалась. Потом проговорила:

— Хорошо бы... Я бы с удовольствием поехала.

— Так что мешает?

Я удивилась его вопросу.

— Я не могу просто взять и сорваться. У меня семья... муж.

— А, ну да. Извините, что лезу не в своё дело.

— А вы надолго в Нижний Новгород?

— Пробуду здесь ещё неделю или около того. Пока Москва не требует моего немедленного присутствия.

— Герман Леонидович, — я вдруг запнулась на полуслове, заволновавшись. — А мой дедушка... он что-нибудь говорил обо мне?

Остович как-то странно помолчал, жевал крауссан и выглядел задумчивым. Затем проговорил, осторожно подбирая слова:

— Дина, ваш дедушка... он был человеком определенного склада ума. Да и его жизнь, потери людей, через которые он прошел, они наложили определенный отпечаток на его мышление и поведение.

— Что вы хотите этим сказать? Он был психически нездоров?

— Что вы, Семен Данилович был разумнее многих. Просто он предпочитал жить прошлым. Понимаете? Тем временем, где всё в его жизни было хорошо. Где у него была семья, жена и любимая дочь. Он очень любил вашу маму, я бы даже сказал, что безумно любил. И её смерть... Её смерть нанесла большой урон, огромную дыру в его душе пробила. Думаю, ещё поэтому он отпустил вас с отцом за тысячи километров.

— Ему было тяжело на меня смотреть?

— Думаю, да. Не знаю, как в детстве, но сейчас вы очень похожи на свою маму. Я сужу по портрету, что висел в доме Семена Даниловича на самом видном месте. Знаете, я несколько раз замечал, что он с ним разговаривает. Поэтому ваш вопрос, говорил ли он о вас, думал ли... Определенно думал, раз его последняя воля была вполне определенной. А вот говорил... нет. Наверное, в его фантазиях его дочь всё ещё была жива, молода и вот-вот должна была вернуться домой. Ему так было легче жить, мне так кажется.

— А бабушка?

— Лидия Сергеевна? Она умерла десять лет назад. Тихо, дома. Ей было семьдесят лет.

— И дедушка остался один.

Остович кивнул.

— Ну да. Он и не особо стремился к общению, соседи раскинуты на несколько километров друг от друга, но мои родители старались заезжать к нему хотя бы раз в неделю. Правда, Семен Данилович отлично справлялся сам, ни в чем не нуждался. Только всё чаще и чаще стал с портретом разговаривать.

— Как всё это грустно. Если бы я раньше знала...

— Вас это больше всего расстраивает?

— Да, — призналась я. — Что я могла с ним познакомиться, что могла скрасить его последние годы, но я не знала.

— Он тоже мог бы, Дина, найти вас. Это не так уж и трудно. Но он лишь составил завешание, давно, сразу после смерти Лидии Сергеевны, и больше никаких шагов не предпринимал. Я, признаться, предлагал ему устроить вашу встречу, но Семен Данилович отказался, и больше мы с ним об этом не говорили.

— Как он умер? — задала я аккуратный вопрос.

— Наверное, как и мечтал. На винограднике. У него случился инсульт, он упал, и в себя больше не пришел. Его нашли работники, он нанимал их в сезон, ухаживать за виноградом.

Я вздохнула.

— Все мои родственники уходят неожиданно.

Остович меня разглядывал.

— Дина, у вас ещё есть близкие люди?

Я моргнула.

— Конечно, — ответила я. — Муж.

Уголок рта Германа Леонидовича дернулся в понимающей усмешке.

— Я не об этом. Кровные родственники. По отцу, например. Дяди, тети, кузены какие-нибудь. По материнской линии никого не осталось, я проверял.

— Ах, это. — Я отрицательно качнула головой. — Нет. Насколько я знаю. Папа приехал откуда-то с севера, возможно, там кто-то и остался, но он никогда о родне не упоминал.

— Грустно.

Я нервно дернула плечом.

— С этим ничего не сделаешь. И я радуюсь тому, что я не одна. У меня есть Максим.

— Ну да. Надеюсь, он вас очень любит.

Я посмотрела за окно и тихо проговорила:

— Я тоже.

Прощаясь, мы с Германом Леонидовичем договорились держать связь, подписать нужные документы, и встретиться ближе к дате вступления в наследство. Про наследство я особо не думала, оно казалось мне несколько абстрактным, но выполнить волю бабушки я была обязана. Поэтому даже дала обещание обязательно съездить в Краснодарский край и посмотреть на виноградники своими глазами.

— Если вам будет нужна моя помощь, Дина, не стесняйтесь, обращайтесь. Пообещайте мне, — дал мне наставление Остович на прощание.

— Профессиональная?

— Любая. Мой номер у вас есть.

Я ему улыбнулась.

— Спасибо. Обещаю, что обращусь. За помощью.

Я улыбалась, а Герман Леонидович смотрел на меня очень серьёзно. И также серьёзно кивнул.

— Помните, я всегда на страже ваших интересов.

— Это так серьёзно звучит. И немножко страшно.

— Бояться не надо. Решим любую проблему, — заверил он, и мы, наконец, простились. Герман Леонидович кафе покинул, а я снова осталась одна. Вдруг поймала себя на том, что продолжаю улыбаться. Улыбка словно приклеилась к моим губам, и уже совсем не выглядит естественной и приветливой. На душе была тоска.

Я достала телефон, и набрала номер мужа. Хотелось с ним поговорить, поделиться, услышать какие-то слова поддержки. Но номер Максима был по-прежнему недоступен. Я посмотрела на часы. Странно, к этому времени Максим уже должен был добраться до Ярославля. В голову начали заползать нехорошие, беспокойные мысли. К тому моменту, как допила кофе,

я успела запугать себя настолько, что решила позвонить Марку. Разговаривать со свекровью не хотелось, Ольга Борисовна, наверняка, скажет мне что-нибудь неприятное. Вроде того, что муж от меня сбежал, отдохнуть на несколько дней, от бесконечной работы и тоскливого быта.

— Марк, ты разговаривал сегодня с Максимом?

— Сегодня? — Деверь странно долго молчал, словно, не мог сообразить, что за вопрос я ему задаю. — Наверное. А что?

— Так наверное или разговаривал?

— Разговаривал, Дина, разговаривал. А что?

— Он уехал в Ярославль, а телефон у него выключен. Я переживаю. Он уже должен был доехать.

Марк фыркнул в трубку.

— Нашла о чем переживать. Наверняка он в отеле, обедает, отдыхает. Позже тебе позвонит.

У меня вырвался вздох.

— Надеюсь.

— Брось ты свои дурные мысли, — посоветовали мне. — Займись своими делами.

А какие у меня дела, когда мужа дома нет? Звонок я сбросила, а затем ещё раз набрала номер мужа. За прошедшие несколько минут ничего не изменилось, Максим по-прежнему был вне доступа.

Особых дел у меня и дома не было. Я прошлась по комнатам первого этажа, зажгла везде свет, хотя на улице ещё не было темно. Протерла везде пыль, зачем-то переставила местами статуэтки на каминной полке, у окна постояла. Часы показывали начало шестого вечера, а на меня давили тишина и одиночество. Собаку, что ли, завести? Или кошку? Вот только Максим питомцам в доме не обрадуется.

Максим так и не перезвонил, я ещё дважды набирала его номер, но безрезультатно. Потом решила, что названивать ему и дальше, стыдно, и перестала это делать. Только время от времени брала в руки телефон и смотрела на экран, боясь пропустить сообщение от мужа.

И сообщение пришло. Только не от Максима, а с неизвестного номера. Я несколько раз прочитала короткий текст, прежде чем до меня стал доходить смысл.

«Мужа потеряла? А он со мной».

И смеющийся, издевательский, глупый смайлик в конце.

Как-то пусто стало внутри, в одно короткое мгновение. Сквозняк, ветер, меня пробрал озноб, а я все перечитывала эти несколько слов, не зная, как реагировать и что думать. Затем отбросила телефон на мягкие подушки дивана, словно он враз стал чем-то мерзким, к чему противно прикасаться. А сердце барабанило и барабанило в груди. Щеки и уши загорелись нестерпимым пламенем. Я прижала к ним холодные ладони, а сама таращилась в одну точку. Подумала, что, скорее всего, сплю, и мне приснился кошмар. Сейчас вздрогну, открою глаза, и буду вспоминать накативший на меня ужас со смехом.

Что? Что только не приснится! Муж мне изменяет, глупость какая!

Глупость не глупость, а я долго сидела, таращась в стену перед собой, и дрожала. То зажмуривалась, то открывала глаза. Потом решила, что это жалко. Я сама жалкая. Ведь непонятно, от кого пришло это сообщение, и что оно, вообще, значит, а я уже превратилась в глыбу льда, которая вот-вот расколется на тысячи болезненных кусков.

Оказалось, что прошло сорок минут. Вот так вот. Смахнув со щеки слезу, я потянулась за телефоном, и на экран взглянула так, словно, куда-то отходила, и могла не услышать звонок или сообщение. Конечно, ни того, ни другого не было. А номер Максима по-прежнему был недоступен.

Было безумно страшно. Просто от того факта, что это непонятное сообщение оказалось в моём телефоне. И я понимала, что паникую.

Ненавистное чувство паники. Каждый его хоть раз в жизни испытывал. Порой безосновательно. Приступ паники едва ли не на ровном месте, без всяких причин. У меня, конечно, причина была, но являлась ли она серьёзной причиной, ясно не было.

— Перестань быть трусихой, — приказала я себе вслух. Сделала глубокий вдох, а потом, после коротких, но таких тяжелых колебаний, взяла и нажала на вызов незнакомого номера, с которого пришло сообщение. И замерла, приложив телефон к уху, и практически не дышала в эту минуту.

Неизвестный номер не был отключен. Гудок шел — один, второй, третий. Отвечать никто не спешил, а потом щелчок, и мне показалось, что я услышала голоса, в какую-то секунду, а затем мой звонок сбросили. А спустя две минуты пришло еще одно сообщение, еще короче, чем предыдущее: «Мы заняты», сообщали мне. И еще один издевательский смайлик.

Я разрыдалась. Взяла и разрыдалась, и мне казалось, что я не плакала с таким отчаянием никогда. Да, в моей жизни было несчастье, случалось горе, я переживала, и слезы, казалось, никогда не иссякнут. Это были слезы горечи и беды. А сегодня, вот эти слезы, они были другими. Это были слезы страха, отчаяния и обиды. А еще непонимания. Я не понимала, как со мной, с моим мужем, с моим таким правильным браком, с нашей семьей может такое произойти. Я ведь так старалась!..

Как жаль, что Серафима далеко. Уверена, она дала бы мне достойный и нужный совет. А в моей голове никогда мудрых советов в таких ситуациях, по отношению к другим, не рождалось. Я терялась, даже если подобное случалось с другими. А уж по отношению к себе и вовсе чувствовала полную растерянность.

Как, вообще, нужно реагировать на измену мужа?

Подумала об этом, и тут же себя остановила. Какая измена? Я ничего не знаю. По сути, еще ничего не случилось. Все, чего я хочу, чтобы муж вернулся домой. Уверена, что Максим придет, я посмотрю на него, взгляну в его глаза, и пойму, что ничего плохого не случилось. Что эти сообщения лишь недоразумение. Или чья-то глупая шутка.

Максим вернулся через два дня. Наверное, два самых ужасных дня в моей жизни. А еще, за эти два дня, мне никто даже не позвонил. Не поинтересовался моими делами, тем, все ли у меня в порядке, грустно мне или весело. Я почему-то раньше об этом никогда не задумывалась. Что в моей жизни, по сути, есть только Максим и его родственники. Некоторое время назад появилась Серафима, и я искренне считаю её своей подругой, причём, единственной, но вот она и мой муж уехали, и я осталась будто в вакууме. Как тут не испугаешься?

Одинокие вечера в огромном пустом доме, то еще испытание. Осознание этого вдруг свалилось на меня, и одна мысль о том, что Максим возможно (возможно!) полюбил другую женщину, а я стану ему не нужна, доводила меня до иступления. Я даже ночью спать не могла.

Правда, муж позвонил утром понедельника, я с замиранием сердца ответила на звонок, не зная, чего ожидать. Но Максим говорил со мной совершенно обычным голосом, и даже извинился за отключённый вчера телефон.

— Я так устал, Дина, попал в пробку на трассе. Авария. И добрался до отеля только вечером. Только утром увидел, что ты звонила, а я заселился и уснул.

Объяснения мужа казались такими простыми и логичными. И, выслушивая их, хотелось сделать выдох, облегчения. Невероятного, тягучего облегчения. А еще пожаловаться мужу на чужую, глупую шутку с дурацкими сообщениями. Но я, конечно же, промолчала.

Или промолчала потому, что испугалась начать тяжелый разговор.

— Я переживала, — сказала я мужу. И попросила: — Возвращайся скорее.

— Постараюсь. И перестань волноваться, Дина. Я работаю.

Я улыбнулась по привычке, хотя, Максим и не мог этого видеть. Правда, для себя отметила, что в голосе мужа не звучит особой теплоты и заботы. Общается со мной формально,

как в офисе с сотрудниками. Но я постаралась побыстрее отогнать от себя эту мысль и чувство разочарования.

Подсознательно я ждала еще какого-нибудь неприятного сообщения. Но больше мне никто не писал, и за два дня, что прошли до возвращения мужа, я сумела себя убедить, что все это было нелепицей, и, вообще, неправдой. Кто-то неудачно пошутил, а попал на меня. А я повелась, как дурочка. Переживала, не спала, слез столько пролила. На самом деле, дурочка.

В день возвращения Максима из такой короткой и такой бесконечно длинной поездки, я летала по дому, будто на крыльях. Приготовила на ужин его любимые стейки, салат с рукколой и испекла яблочный штрудель. Очень хотелось, чтобы Максим вернулся домой и порадовался этому. Чтобы понял, что дома его любят и ждут. Хотелось, чтобы муж ценил мою заботу.

— Дина, я дома! И я голодный!

Услышала я от дверей, и замерла в первый момент. Хотелось обрадоваться, я должна была обрадоваться, а замерла в страхе и волнении. Даже кухонное полотенце в руках сжала, затем вспомнила, что я, вообще-то, приделась к приходу мужа, убрала волосы по-другому, подкрасилась. Мне хотелось быть красивой и желанной для Максима.

— Привет. — Я улыбнулась мужу, когда он появился на кухне.

— Привет. — Максим вошел и посмотрел на меня. Я заметила некоторое недоумение в его взгляде, он все же заметил мой непривычный, не совсем домашний вид. А я улыбнулась шире. И шагнула к нему, протянула руки, чтобы Максима обнять.

— Я так рада, что ты вернулся.

Муж обнял меня в ответ, затем отстранился, посмотрел на мое платье. Усмехнулся.

— Что происходит?

— Я соскучилась.

— С ума сойти. Надо почаще уезжать, чтобы жена тебя так встречала.

— Нет, не нужно чаще. Ты голодный?

— Да.

Это был теплый, семейный ужин. По крайней мере, я очень старалась, чтобы он стал именно таким. Я сидела напротив мужа, смотрела, как он ест, слушала, что он мне рассказывает. И пусть это были рассказы о работе, о новом гипермаркете, о его сотрудниках, но я просто была счастлива, что мой муж дома. Все так, как должно быть, разве нет?

Кажется, в этот момент я только начала дышать после двух дней кошмара. Вот только радость на этом и закончилась. Не то чтобы я ждала продолжения, или страстной романтической ночи, но вскоре после ужина Максим объявил, что ужасно устал и отправляется спать. А я в своем красивом платье, при прическе и макияже, судя по всему, остаюсь на кухне мыть посуду.

— Не ложись поздно, — сказал мне муж, подошел и поцеловал меня в лоб. Я всеми силами пыталась скрыть нахлынувшее на меня разочарование, старалась понимающе улыбаться. А Максим еще добавил: — А то разбудишь меня. Хочу выспаться.

Я кивнула.

— Что ты хочешь на завтрак? — Мой голос почти не дрогнул.

— Сырники — будет замечательно.

— Хорошо, сырники.

Максим снова прижался губами к моему лбу и вышел из кухни. Я тоже вышла, смотрела ему вслед. Как он идет через гостиную, на ходу расстёгивает пуговицы на манжетах рубашки. Такой идеальный, такой уверенный в себе, и такой знакомый, каждой черточкой и каждым движением знакомый мне. А от того родной.

— Максим, — решила я спросить у него за завтраком, — мы поедем в отпуск? Ты обещал.

— В отпуск? Сейчас?

— Ты обещал, — напомнила я, уже настойчиво.

Максим ел сырники, а на меня поглядывал с сомнением, понятно, что моё желание куда-то поехать, не входило в его планы. Но я продолжала на мужа смотреть, выразительно.

— Не помню, что обещал, — начал он, хмыкнув.

— А я помню.

— А бизнес?

— Максим, а зачем нужен бизнес, если не получать удовольствие от результата?

— Как интересно ты заговорила!

— Может быть, съездим, посмотрим на виноградники? Ты же заинтересовался.

— Интересная мысль. Совместим приятное с полезным.

— Ну да. — Я придвинулась к Максиму, положила руку на его плечо, прижалась щекой. — Мне хочется увидеть дом бабушки.

— Я подумаю о том, когда смогу вырваться, — пообещал Максим, а я счастливо улыбнулась. А потом спросила: — А в Ярославль ты ездил один?

— Что? — переспросил муж, поднял на меня глаза и непонимающе глянул. Моргнул. — Конечно, один. А с кем? — Максим хмыкнул. — Дина, ты считаешь, что много желающих поехать в воскресенье в другую область? Сотрудники, знаешь ли, которые на зарплате, любят в нерабочее время отдыхать. Это у меня выбора нет.

В его голосе прозвучал упрек, будто я его заставляю много работать. Но прежде чем я успела что-то ответить, Максим уже поднялся из-за стола. Так резко, что мне пришлось поспешно отодвинуться.

— Спасибо за завтрак, любимая, — услышала я от него. Получила еще один дежурный поцелуй в лоб, и проводила Максима взглядом, когда он уходил с кухни.

Оставалось только говорить себе, что все в порядке. Максим такой, как обычно, ничего не происходит. Можно выдохнуть и успокоиться. Я, как идеальная жена, вышла на крыльцо, смотрела, как машина мужа выезжает за ворота. Дышала. Делала вдох за вдохом. От улыбки болели губы. Меня душило дурное предчувствие, и я никак не могла с этим справиться.

А после обеда все неожиданно поменялось, мне показалось, что жизнь наладилась. Как-то внезапно. Максим позвонил и сказал:

— Давай съездим на виноградники. У меня есть несколько дней на следующей неделе. Закажешь билеты на самолёт?

— Конечно, — радостно выдохнула я. И от счастья даже зажмурилась. — И купальник новый себе куплю!

Максим рассмеялся. И сказал:

— Развлекайся, дорогая.

Именно этим я и собираюсь заняться. Собираюсь развлечься, каждую минуту, что проведу с мужем на море, обязательно запомню! Мы с Максимом так давно никуда не ездили вместе, и его решение я восприняла, как настоящий подарок.

Хотелось петь, а в животе, кажется, бабочки порхали.

А потом в домофон позвонили...

ГЛАВА 5

Я посмотрела на экран видеодомофона, но никого не увидела. Перед камерой никто не стоял. Я помедлила секунду, после чего поинтересовалась:

— Кто?

Глупо говорить что-то в пустоту. Я уже успела прийти к выводу, что звонок был баловством детей, которых в нашем поселке хватает, но хулиганством они до сих пор не развлекались. Но всякое бывает...

Я успела об этом подумать, собиралась повесить трубку, но тут на экране появилась девушка. Просто шагнула откуда-то со стороны, и я её увидела.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — отозвалась я, понимая, что лицо гостьи мне смутно знакомо. — Я вас слушаю.

— Дина Петровна, я к вам. Поговорить.

— А вы кто?

— Я... — От моего вопроса девушка, кажется, потерялась на мгновение, раздумывала, что ответить. — Я работаю в офисе компании, — сказала она, в конце концов.

Я машинально нажала кнопку открытия калитки. Сама вышла на крыльцо, навстречу гостье. И только когда увидела её не через маленький экран домофона, узнала её. Та самая девушка, которая подходила ко мне на дне рождения Марка. Татьяна, кажется.

А она оказалась на территории нашего дома, и принялась оглядываться. С любопытством и интересом. Наверное, даже меня не сразу заметила, настолько сильно её интересовало всё вокруг. Она и на дом смотрела, и сад оглядывала, даже плитка под ногами её сильно интересовала. А потом Татьяна заметила меня. Пару секунд мы с ней смотрели друг на друга на расстоянии, затем гостья не спеша направилась ко мне.

— Здравствуйте, — снова проговорила она, кстати, не улыбнувшись. Просто смотрела на меня.

— Здравствуйте, — отозвалась я, и, как радушная хозяйка, предложила: — Проходите в дом.

Она прошла. То есть, стала подниматься по ступеням, и я невольно отметила про себя её походку. Татьяна шла так уверенно, двигалась плавно, словно, кошка. Мужчины, наверняка, считали её грациозной, а походку соблазнительной. Да и фигура её была хрупкой, при этом, обладала соблазнительными формами. Такая идеальная куколка, с огромными синими глазами, пухлыми губами и теплым, лукавым взглядом. Кажется, я еще при нашей первой встрече подумала о ней то же самое.

Забыла только, кем она работает в офисе.

Мы вместе прошли в дом, я направилась на кухню, ожидая, что гостья направится за мной. Та, правда, не особо торопилась. Я даже оглянулась, когда поняла, что не слышу её шагов. А ведь девушка была на каблуках, бесшумно передвигаться не могла. Я обернулась и поняла, что Татьяна стоит в дверях гостиной и снова оценивает интерьер, ни больше ни меньше.

— Вы ко мне по делу? — решила поинтересоваться я, привлекая её внимание.

Татьяна повернулась, посмотрела на меня, наконец, улыбнулась. Вот только улыбка её мне совсем не понравилась.

— У вас красивый дом, — сказала она. — И большой.

— Спасибо, — ответила я, не совсем понимая, был ли это комплимент.

— Давно здесь живете?

— Давно. Половину своей жизни.

— Правда? — В её голосе мне почудилось удивление.

Но мне не хотелось разбираться с эмоциями незнакомого человека, поэтому я девушку поторопила. Поинтересовалась:

— Так какое у вас ко мне дело? И, извините, я не помню, как вас зовут.

— Татьяна.

— Да, правильно. Так о чем вы хотите со мной поговорить, Татьяна?

— Мы будем говорить здесь, в коридоре?

— Пойдемте на кухню, — предложила я.

— Вы много времени проводите на кухне, да?

Станный вопрос. Мы с ней оказались на кухне, я обернулась, не понимая, на что она намекает. И, да, я много времени провожу на кухне. Моя кухня, как я сама считала, лучшее место в доме. Лучшее место на свете. Огромная, светлая, удобная и полностью оборудованная по последнему слову техники, хотя кухонный гарнитур и вся мебель выполнена в чуть простоватом, деревенском стиле. Папе нравилось именно так, а я привыкла, приняла и полюбила. Столовой, которая была совмещена с гостиной, мы пользовались редко, в основном, когда принимали гостей. На кухне тоже был большой, круглый стол, а у стены удобный диван и телевизор на стене. Маленький столик со стеклянной столешницей, всегда свежие цветы в пузатой вазе, фотографии в рамках. Кухня — душа дома. А теперь мне пытаются намекнуть, насколько это приземлено.

— Я много времени провожу на кухне, — согласилась я с её выводом. — Вы не из таких?

— Нет, — тут же ответили мне. — Я не считаю, что место женщины на кухне.

— Я тоже так не считаю. Просто люблю свою кухню, люблю проводить здесь время. Выпьете чаю?

— Пожалуй.

Я отвернулась от гостей, ставила чайник на плиту, подготовила чашки. А сама в это время с напряжением раздумывала, для чего эта девица явилась. В первый момент я подумала, что её попросили что-то передать для меня, какие-нибудь бумаги на подпись, о которых, в суете, позабыл Максим. Но никаких бумаг, папок или модного портфельчика я в руках Татьяны не заметила. Только маленькая — малюсенькая! — сумочка леопардового принта в руках. Присев за кухонный стол, Татьяна пристроила её на соседнем стуле. Вот у меня никогда не было такой сумочки. И, наверное, не будет. Потому что я представить не могу, куда я могу с ней выйти, по какой такой надобности. С сумочкой, размером с три спичечных коробка и звериного принта.

Я не модная. Я — обительница кухни.

Я поставила перед гостьей чашку с чаем. Чай был особенным, на травах, очень ароматным. Присела напротив, разглядывая девушку, правда, стараясь не делать этого открыто.

— Так какое у вас ко мне дело, Татьяна? — снова задала я понятный вопрос. — Если рабочий, вам лучше обратиться к кому-нибудь в офисе.

— Нет, не рабочий, — отозвалась она. И посмотрела на меня как-то по-особенному... небрежно. — Я знаю, что делами компании вы не интересуетесь.

Замечание мне не понравилось, как-то покорило откровенным намеком, но я решила не обострять, и поскорее выяснить причину её появления в моем доме.

— Тогда я вас слушаю.

— А вы сами не понимаете, для чего я пришла?

— Откровенно говоря, нет.

Мне не нравились её изучающие, оценивающие взгляды. Я понимала, что такие, как Татьяна, девушки, привыкшие к определенному отношению к себе, особенно, мужской части общества, воспринимают действительность по-другому, не так, как я. Я никогда не была яркой, никогда не была хрупкой, и уж точно на фею сладких мужских снов не похожа. Думаю, даже считаю, что я не умею общаться с мужчинами, не умею их в чем-то убеждать, не умею соблаз-

нять и флиртовать. Опыта у меня никогда такого не было. А вот у Татьяны его было в избытке, я уверена, и её скептические взгляды в мою сторону, чуть небрежные и высокомерные, были связаны именно с этим. Это ведь такое понятное чувство, на уровне инстинкта. Женщина всегда чувствует, когда её воспринимают как объект желания, или объект зависти и соперничества. Эта девушка меня соперницей не считала.

Насчет зависти не уверена. Но зависть если и была, то не к моим женским качествам и чарам, скорее, к тому, что она в данный момент видела вокруг себя. Смотрела на меня, и я видела, как она время от времени досадливо морщится, а вот все остальное Татьяну как бы злило. Просто тем, что я существовала в этих условиях, а не она.

Не знаю, почему я обо всем этом думала, но отделаться от этих ощущений не могла. И поэтому на её наводящие вопросы я отвечала, словно, отговариваясь, и продолжала равнодушно улыбаться. Всеми силами я удерживала эту равнодушную улыбку на губах, потому что, если честно, моё сердце очень гулко и тревожно колотилось в этот момент.

Я ведь не дура, я ведь начала догадываться, для чего она пришла, с того самого момента, как увидела эту фигуристую куклу на подъездной дорожке своего сада.

— Дина, давайте поговорим, как женщина с женщиной, — выдала она напористо.

Я даже моргнула от неожиданности. От того, что она так резко перешла к сути дела. А я, между прочим, не хотела знать ничего об этой самой сути. Мне было хорошо в моей привычной жизни, в моей привычной реальности. Где не было места никаким Татьянам.

— Не думаю, что мы с вами настолько близко знакомы, чтобы разговаривать, делясь женскими секретами, — ответила я ей.

— Может, и незнакомы. Но у нас с вами есть кое-что общее.

По закону жанра я должна была переспросить:

— И что же у нас общего?

Но я молчала. Только смотрела на неё.

Татьяна на моё молчание отреагировала снисходительной улыбкой.

— Вы же не можете не чувствовать, что в вашей семье что-то не так.

— Я хочу, чтобы вы ушли, — неожиданно потребовала я. Эта мысль оказалась внезапной и очень настойчивой. Мне захотелось её выгнать. Выгнать и забыть о её визите.

— Дина, вы же знаете, что если я уйду, от этого ничего не изменится? — Я молчала, и она продолжила: — Это я вам писала в выходные. Вы ведь понимаете, о чем я говорю? — И сама подтвердила свои слова: — Прекрасно понимаете.

— А пришли-то вы зачем? — снова поинтересовалась я. — Чтобы окончательно открыть мне глаза?

— Да, — кивнула она. Татьяне оставалось только улыбнуться, настолько уверенной она себя чувствовала. — Я люблю вашего мужа, — проговорила она те самые ужасные слова, от которых меня пронзила острая боль. Такая острая и жгучая, будто в меня выстрелили на вылет. — А он любит меня. Я хочу, чтобы вы знали правду.

Я незаметно нащупала рукой перекладину спинки стула за своей спиной, и вцепилась в неё, до боли в пальцах. И молчала. А Татьяна, будто воодушевившись, продолжила:

— И не было никакой командировки в Ярославль. Мы с Максимом эти дни провели на даче моих родителей. В принципе, как всегда.

— На даче родителей, значит...

— Да. — Она смотрела на меня свысока. — Неужели вы хотите так жить, Дина? Во всем этом вранье?

— А вам, значит, во вранье жить надоело?

— Я так не живу.

— Правда? Наверное, от того, что мой муж поступает с вами честно и открыто, вы сюда и пришли, да?

Мои слова всё же достигли цели. Татьяна презрительно фыркнула, выражая своё возмущение.

— Да что вы знаете о наших с ним отношениях?

— А что вы знаете о наших отношениях с моим мужем? — Я не выдержала и поднялась. — Сколько вы с ним встречаетесь?

— Уже год!

— Год! — повторила я за ней. — И что же, за год Максим не нашел в себе смелости признаться мне в том, что он любит другую женщину? Видимо, тоже от большой любви к вам, да? И понимая, что ждать вам ещё долго, вы пришли к нам в дом, чтобы поторопить события?

— Он просто вас жалеет! — выдала она.

— За что? За что меня жалеть?

— Ну, как же... — Татьяна окинула меня высокомерным взглядом. — Вы же такая... беспомощная. Вечно несчастная. Ничего не умеющая. Только ждете постоянно. Сидите у Максима за спиной, на всем готовом, и ждете его домой, — она небрежно отодвинула от себя чашку с остывшим чаем, — со своими дурацкими ужинами. А ему ваши ужины не нужны!

Каждое её слово отдавалось в моей груди болью. Ведь она права, это и есть моя жизнь — ждать мужа дома. Готовить для него, накрывать стол к ужину, крахмалить его рубашки, заботиться о его фирменных костюмах, создавать в доме уют. Ведь после смерти папы, Максим — единственный хозяин в доме, и я признавала его авторитет, и истинно верила, что для мужа это важно. А теперь передо мной стоит симпатичная, воинственная, похожая на куклу, особа, и говорит мне, что она любовница моего мужа.

Понятия не имею, как должна на это реагировать. Плакать, скандалить, бросаться на неё с кулаками? Но мне не хотелось ничего этого, мне просто было больно внутри. Очень-очень. И от этой боли хотелось выть и впасть в отчаяние, вот только у меня всё ещё достаточно гордости, чтобы не показать размера своего горя и боли сопернице.

А Татьяна все говорила и говорила, и на меня смотрела с всевозрастающей снисходительностью, жалостью, и, наверняка, чувствовала себя победительницей. Что сказать, она и, правда, была победительницей, всё, что я могла — это защищать себя. Стоять перед ней с каменным лицом, держать спину ровно, смотреть ей в глаза и не позволить себе разрыдаться. Ведь эта девка, хорошая она или плохая, любимая моим мужем или нет, совсем не важно, каждым своим словом, каждым своим взглядом в мою сторону, рушила мою жизнь.

— Вы хотите занять мое место? — задала я вопрос.

— Я хочу занять свое место, — упрямо проговорила Татьяна.

Надо признать, что характер у девушки был, и смелости ей точно не занимать. А еще нахальства. Далеко не у каждой хватит смелости придти к жене любовника, чтобы требовать от той подвинуться.

Я грустно улыбнулась.

— Вы зря ко мне пришли, Татьяна. Даже если все так, как вы говорите, то все свои чаяния и надежды вы должны нести не ко мне. Чего вы хотите? — Я к ней повернулась. — Чтобы я прониклась, чтобы вам посочувствовала, как вам тяжело переживать эту ситуацию? И сама подала на развод?

— Хотя бы, — с вызовом ответила Татьяна. — Должна же у вас быть женская гордость.

— У вас она тоже должна быть. Но вы же спали с женатым мужчиной, а потом пришли к его жене выпрашивать для себя женского счастья.

— Не надо переворачивать мои слова! — воскликнула Татьяна.

— Что же я переворачиваю? Другая бы постыдилась.

— Постыдилась? — Моя соперница нахально усмехнулась. — А чего мне стыдиться? Того, что я дала Максиму то, что вы дать не смогли? Не смогли дать, смею напомнить, за семь лет брака! А я для него глоток свежего воздуха!

— Это он так говорит?

— Представьте себе, да. — Она широко улыбнулась.

Я на эмоциях развела руками.

— А от меня-то вы чего хотите? Я понять никак не могу.

— Чтобы вы перестали обманываться и удерживать рядом с собой Максима. Он не любит вас больше.

Я сделала глубокий вдох, очень глубокий, едва не захлебнулась воздухом. А ей ответила:

— Это не вам решать. Это наша семейная жизнь.

— Да нет у вас семьи, — презрительно фыркнула Татьяна. — Вы даже не знаете своего мужа, по-настоящему. Что он любит, чего хочет, какие планы на жизнь строит. И вас в этих планах нет!

— А вы есть?

— Да.

— К сожалению, подозреваю, что на каждую из нас у Максима свои планы.

— Глупости не говорите. — Татьяна надменно фыркнула. — Вы посмотрите на себя. — Она едва ли не пальцем в меня ткнула. — Вы же совсем Максиму не подходите.

— Правда?

— Вы же серая мышь. А Максим, он... Он интересный, он красивый, умный, очень образованный. А вы... Домохозяйка. Кухня — это ваш удел. Максим говорит, что все время, что вы проводите вместе, проходит здесь — на кухне. Вы считаете, что это может его как-то заинтересовать? Ваши котлеты и компоты.

Пренебрежение в её голосе становилось невыносимо терпеть. И я в очередной раз указала ей на дверь.

— Уходите. Я вас услышала, вы сказали, что хотели. Теперь покиньте мой дом.

— Да ради бога. На самом деле, я пришла посмотреть на вас. Когда мы встретились неделю назад, признаюсь, я подумала, что Максим не говорит мне всей правды. Но посмотрев на вас сегодня, поняла, что он во всем прав. Вы скучная, и переживать мне не о чем. Он меня любит. А я сделаю для него все. А вы не сможете сделать его счастливым.

Татьяна развернулась, и с гордым видом направилась к выходу из дома. Я стояла у окна и смотрела, как она идёт по коридору, увидела, что она свернула не туда, наверное, все же тоже нервничала. Тут же метнулась в другую сторону, к выходу, и скрылась с моих глаз. Спустя пару секунд хлопнула входная дверь, и стало тихо. А я так и стояла у окна. И вдруг подумала, что не спросила у нее, чего же именно я не могу сделать для своего мужа. Вроде все делаю, всю нашу семейную с ним жизнь. Не помню, чтобы в чем-то отказала...

Выходит, все равно не угодила.

Ощущения были странные. Я словно оказалась в глухом вакууме. Ни звуков, ни мыслей. Села обратно за кухонный стол, на котором так и остались чашки с недопитым чаем, и сидела в этой оглушающей тишине. Очень, очень долго. Обычно от ужаса или страха хочется зажмуриться, но в этот раз мне не хотелось. Наверное, потому, что я, вообще, ничего не чувствовала. Не понимала ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.